

Сергей Арно

КВАДРАТ

ДЛЯ
ПОКОЙ-
НИКОВ

КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

16+

Сергей Арно

Квадрат для покойников

«Автор»

1995

Арно С.

Квадрат для покойников / С. Арно — «Автор», 1995

Главный герой романа попадает в невероятные, запутанные ситуации, оказываясь свидетелем ряда преступлений... Криминальная линия романа переплетается с легендами глубокой древности. Местами жуткий, местами смешной роман полон острых и абсурдных ситуаций, черного юмора... Но, пожалуй, главная тема смерти больше всего занимает героя. Сон и смерть. Где между ними грань?

© Арно С., 1995

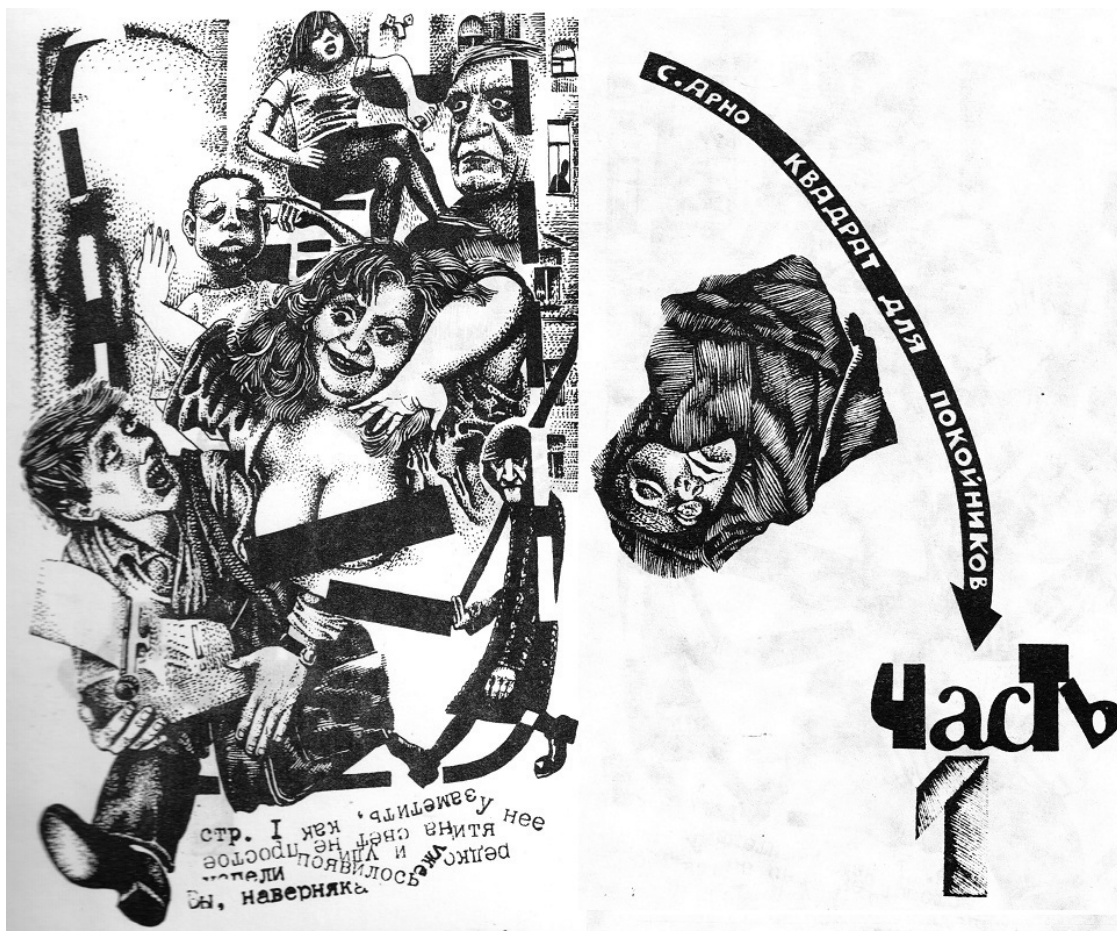
© Автор, 1995

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	37
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть 1

Глава 1

Огорченный выше всякой меры, я брел по улице. Алкаша Федю, у которого я снимал жилплощадь до сего дня, забрали в ЛТП подлечиться, а меня соседи-подлецы, выгнали на все четыре стороны. Грусть моя обострялась еще тем, что деньги за комнату Федя получил с меня за два месяца вперед и по обыкновению тут же их пропил... Но не в деньгах счастье, главным было то, где и как жить дальше.

Снять с бухты-барахты комнату в Ленинграде надежд не было никаких, но я тащился со своей тяжелой сумищей в одной руке и пишущей машинкой в другой именно в направлении Сенной, где вечно толклись обменщики, и где имелась, хоть и ничтожная, но все-таки надежда подцепить на свою кроткую улыбку бабусю с клоповником и постараться убедить ее в том, что я и есть тот самый непьющий, некурящий импотент, по всем анализам подходящий для кормежки ее клопов.

С другой стороны мне было наплевать, где я проведу сегодняшнюю ночь -жилплощадь мне требовалась для того, чтобы наконец-то начать писать роман. В моей голове уже толпились образы и обстоятельства чужой жизни, давя, поглощая друг друга... Конечно, я не имел уверенности, что у меня выйдет роман. Всегда, когда я задумывал написать рассказ – получалась миниатюра, когда повесть – выходил по размеру рассказ. Ну, а из этого романа, конечно же, выйдет, дай Бог, повесть.

Каждому художнику известно чувство легкого беспокойства, возбуждения и торжества, когда кажется вот сейчас, как сяду да как напишу. Напишу! И нужно срочно садиться, иначе ощущение улетучится, и придумка уже покажется не такой значительной – не интересной. Вот и сейчас я должен садиться писать. Можно было, конечно, подождать день-два, но промедление могло погубить роман. Положение мое и уже зачатого в моей голове и развивающегося зародыша романа было плачевным, не садиться же в парадной или в скверике роман рожать. В парадной, конечно, что угодно родить можно: хоть котенка, хоть ребенка (стихотворение тоже можно), но вот роман!..

Народу на толчке было человек сто. Все что-то меняют на что-то, меняют годами. Есть здесь свои старожилы-неудачники, втянувшиеся в эту обменную куролесицу, они годами ходят сюда и меняют, меняют...

Я подошел сначала к одной группе обменщиков – послушал, потом к другой – тоже послушал. И хотя наверняка знал, что таким образом не разыщу свободной комнаты, но вывешивать на грудь табличку с надписью: "Сниму комнату" (хотя она и лежала у меня в сумке) пока что не хотелось.

– Бесплезняк.

Рядом со мной оказался парень в клетчатой кепке, на груди у него висела выгоревшая табличка.

– Тоже комнату снять, небось, хочешь? Бесплезняк, – он посмотрел на мою сумку и выплюнул бычок беломора на асфальт. – Я здесь уже неделю толкусь...

– Мне в тот раз повезло, – сказал я, блуждая по толпе взглядом.

– В тот раз и мне повезло, а сейчас – бесплезняк.

От слов парня я пришел в уныние. Глядя на оживленно беседующих обменщиков, я прокручивал в голове всех своих знакомых, готовых дать мне приют, но единственным реальным местом оказывался все-таки вокзал. А тогда – прощай роман.

Я достал из кармашка сумки табличку и повесил на шею.

– Бесплезняк, – обреченно сказал парень и закурил новую папиросу.

И тут от группы обменщиков отделилась женщина и направилась ко мне.

– Вы, молодой человек, комнату снять хотите?

– Комнату?! – воскликнул я, удивившись. – Вы что, комнату сдаете?!

Парень ухмыльнулся.

– В квадрате у нее комната, – сказал он, презрительно глядя на женщину.

– В каком "квадрате"?

– Ты чего, не знаешь квадрат?..

– Ерунду он болтает, – махнула на него женщина. – Вовсе она не в квадрате. Квадрат рядом, это правда...

– Как же, рядом. У тебя она прямо в самом квадрате и есть.

– Ничего не в квадрате, – артачилась женщина, ей отчего-то очень не хотелось, чтобы ее комната находилась в каком-то квадрате.

– Что это за квадрат? – вступил я в разговор, мне надоело слушать их пререкания.

– Оттуда не вернешься... – начал парень. Но женщина насильно подхватила меня под руку и повлекла в сторону от толчка.

– Не будь дураком, – кричал вслед парень. – Из квадрата не возвращаются...

Женщине с виду было лет сорок пять, может быть, больше. Полная, с широким носом и со странным взглядом: этаким лукавым – сбоку.

– А сколько вы в месяц берете? – насторожился я, все еще не веря в свое так легко обретенное счастье. Но цена оказалась вполне умеренной.

– Вас мне сама судьба послала, – говорил я на ходу, выталкивая из памяти слова о каком-то квадрате. – Я ведь не курю, не пью и с женским полом практически не общаюсь.

– Вы что, больной? – спросила она, вновь метнув на меня свой странный взгляд сбоку и замедлив шаг. Я сразу уловил перемену в ее настроении.

– Да нет, не то чтобы не пью. Могу выпить в хорошей компании...

– А с женщинами?

– С женщинами тоже как будто все в порядке. Но на чужую жилплощадь "ни-ни".

Звали комнатосдатчицу Мария Петровна. Она поинтересовалась моим прошлым, разузнала также о последнем месте жительства и прочих мелочах моей личной жизни. Я был слохоохотлив и уже вовсе позабыл о квадрате и предупреждении парня в клетчатой кепке, изо всех сил старался обаять немолодую особу, понимая, что в любой момент она может отказать мне в крове. И тогда можно преспокойно отправляться на жесткую вокзальную скамью и провести ночь в мучениях, не помышляя о романе. А потом каждодневно, быть может, в течение недели, месяца таскаться на квартирный толчок и кланяться старушкам, корча из себя то ли незаразно-больного, то ли неизлечимого паю, ужасающегося рок-музыкой и теряющего сознание при виде обнаженных мест молодого женского тела...

Навстречу нам попался помятый и небритый, курносый мужчина, он шел с трудом, опираясь на косу. Вероятно, он косил где-то траву и повредил ногу.

– Сосед у нас всего один, – между тем продолжала Мария Петровна. – Один проживает, а комнату самую большую занял...

Из парадной вдруг выскочила махонькая, худая как подросток старушонка в черном платке и бросилась к нам.

– Не видели?.. – запыхавшись, она стояла перед нами, не имея воздуха выговорить что хотела. – Не видели?.. Вам... не встречался?.. – сухонькая рука ее лежала на впалой грудке.

– Ну, этот, с косой... – наконец выговорила она.

– Кто? – переспросила Мария Петровна.

– Да этот... Ну, с косой который...

– А, косец! – догадался я. – Только что вон туда проковылял.

Я обернулся, ожидая увидеть косца, но его уже не было. Старушка поблагодарила и заспешила в указанном направлении.

Жила Мария Петровна неподалеку, в тихом переулке и в еще более тихом, глухом дворе-колодце, который действительно походил на квадрат. Мрачный дом не подвергался ремонту, вероятно, с прошлого века. Дворничиха, несмотря на летний сезон в наглухо застегнутом ватнике и в платке, сосредоточенно мела двор; вокруг нее строевым шагом, старательно размахивая руками, маршировал идиотского вида молодой человек с кокардой на меховой шапке. Когда мы проходили мимо, он с удовольствием отдал нам честь. Несмотря на то, что на улице было светло, кое-где в окнах горел свет. Квартира оказалась на третьем этаже. Мария Петровна позвонила.

Дверь открыл негритенок лет десяти.

– А Ленка еще не пришла, – сообщил он тут же с порога на чистом русском языке. Мы вошли в прихожую.

– Поздоровайся, Джоржик, с дяденькой.

Но негритенок промолчал и, засунув палец в рот, отошел к стене прихожей. Я достал пластик жевательной резинки и, улыбнувшись, протянул мальчику. Он взял и тут же спрятал в карман.

В довольно просторной прихожей было четыре двери. За одной из них через стекло я увидел кухню. У плиты стояла девочка лет одиннадцати и что-то жарила. Дверь рядом с кухней вдруг отворилась, в щели показалась лысая голова мужчины; сощурившись, он посмотрел на меня через стекляшки круглых очков.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

Но мужчина, ничего не ответив, исчез. Дверь закрылась.

– Сосед мой. Один живет, а комнату самую большую занимает, – пожаловалась Мария Петровна. – Чтоб он сдох!

Дверь вдруг снова отворилась, и в щель высунулась лысая голова.

– Вы на покойника похожи, – сказал он мне и снова исчез.

– Что он сказал? – спросил я с тревогой.

Мария Петровна выразительно покрутила пальцем у виска.

– Вот ваша комната, – она распахнула дверь напротив кухонной. – Подходит?

Комната была метров десять. Очень много места в ней занимала исполинских размеров кровать с пирамидкой покрытых тюлем подушек. Имелся в комнате и письменный стол, и два стула. Словом, вполне пригодная для жилья площадь.

– Устраивайтесь, – сказала Мария Петровна.

И вышла, прикрыв дверь.

Весело напевая, я стал обследовать комнату, удовлетворившую меня во всех отношениях. Заглянул я в небольшой бельевой шкаф, где нашел две вешалки, запах нафталина и больше ничего. Нижний ящик письменного стола до отказа был набит презервативами. Я присвистнул и не без удивления зачерпнул горсть. Презервативы были из дешевых, купленные давно, еще до перестройки, и не гарантировали качества. Обнаружив, что настольная лампа отсутствует, я огорчился не очень – и так за умеренную плату я получил хорошую комнату. Вот только бы клопов не было...

Разложив в шкафу вещи, я прилег на кровать. Она оказалась мягкой и по размеру подходила не для одного. Со своей подругой Светой я расстался два месяца назад – мне надоело, что она постоянно говорила о любви к своему мужу. В конце концов я психанул и послал ее... к мужу. Вероятно, во мне разыгралось самолюбие: спит она, видите ли, разносторонне со мной, а любит мужа. Ну, а раз такой "станок" появился – теперь, пожалуй...

Дверь скрипнула, я вздрогнул от неожиданности, приподнялся на локти. В комнату без стука вошел уже знакомый мне негритенок и, закрыв за собой дверь, остановился на пороге.

– Ну что тебе? Заходи, – пригласил я.

Но негритенок, держа во рту указательный палец, молчал.

– Ну что стоишь, заходи, – опять предложил я, садясь на кровати. Негритенок смотрел изучающе. – Что, может, резинку еще хочешь? – предположил я. – Так у меня нету больше.

– Когда вы от нас уходить будете, – наконец сказал он, вынув палец изо рта, не снимайте комнату ни у кого в нашем дворе... Вам же хуже будет...

– Да с чего ты взял, что я от вас уходить собрался?! – удивился я. – Мне у вас нравится...

Но негритенок, не слушая меня, повернулся к двери и взялся за ручку.

– Не снимайте в нашем дворе, – обернувшись, сказал он. – Особенно у человека с бамбуковой тростью. И вышел.

– Что ты там делал? – услышал я из-за двери недовольный голос Марии Петровны. – А?! Говори сейчас же!

И перепуганный голос негритенка:

– Я, ничего. Я так просто... Ой, ой! Больно!!

– Что ты там говорил?!

– Ой! Не надо. Больно!..

Я вскочил с кровати и открыл дверь. Но в прихожей уже никого не было.

Я защелкнул задвижку на двери, достал папку с бумагой, сел за стол и стал писать роман.

Глава 2

Когда на улице стемнело, и засветился фонарь под окном, он поднялся с дивана. Чувствовал он себя бодрым, полным сил. Впрочем, перед всяким грабежом он чувствовал себя бодрым. Рабочая сумка всегда стояла наготове, и он только по привычке расстегнул молнию и бросил внутрь сумки мимолетный взгляд. Отмычки, лапа, черный пистолет-пугач... все как будто было на месте. Он застегнул молнию, вскинул сумку на плечо, погасил в комнате свет и прислонился к двери ухом. В коридоре было тихо. Он беззвучно открыл замок, проскользнул в коридор и, затворив дверь, снова прислушался.

Шаги его по коридору были бесшумны. Никто бы не смог пройти по этому коридору бесшумно даже при свете. Ни единая из половиц не треснула, не скрипнула. За долгие годы он рассчитал и отработал каждый свой шаг. Оказавшись на лестнице, он не стал спускаться вниз, а наоборот – вверх, через чердак в полной темноте, распугивая ночующих там голубей, пробрался на другую лестницу, уже по ней спустился и, никого не встретив, вышел на улицу.

ООР – особо опасный рецидивист по кличке Труп шел на дело. Кличка эта пристала к нему с самого интернатского детства и сочинилась не от врожденной кровожадности, а от фамилии Трупп, в которой за ненадобностью сократили последнюю букву и получилась кличка. Сам же Труп привык к ней и носил с гордостью.

В мелких делах и делишках он обычно обходился без помощника, не любил он, когда умирали люди. Другое дело сберкасса, банк или ювелирторг, тогда одному, конечно, трудно – тут требовалась большая подготовка. Но последние годы он чувствовал душевную размягченность. Еще бы! Возраст-то пенсионный.

Труп быстро дошагал до здания, в котором у него имелось дело. Все окна бани ЛЬ 50 были освещены. Там в поте лица трудились полуголые ночные уборщицы, смывая с полов, скамеек, шаяк грязь дневных клиентов. Но не освещенные окна с грудастыми уборщицами интересовали Труса, а узенькое оконце третьего этажа, где свет не горел.

Убедившись в отсутствии света в нужном ему окне, Труп обогнул баню и попал на грязный, заваленный мусором, предбанный двор, где особняком стояла котельная. Тут, у стены котельной, в темноте он уселся на порожнюю пивную тару и стал ждать.

Заранее проработав весь план ограбления, Труп знал, что сейчас откроется дверь черного хода, и через двор в котельную пройдет истопник. Знал он также, что это будет один из трех истопников. Тощего сутулого бородача опасаться не приходилось – вечно поддатый, второй – с огромной кучерявой копной волос – зарекомендовал себя отъявленным бабником и занимался в котельной любовью с такими помоешными дамами и такими извращенными, инопланетными способами, что подглядывавшему в щелку Труп делалось нехорошо и надолго пропадал аппетит. Зато третий был самым опасным. Черный, похожий на цыгана, широкоплечий, он не пил, не курил, не водил баб.

Труп докурил папиросу, бросил бычок на асфальт.

Заморосил мелкий дождь.

Он снова посмотрел на часы. Истопник опаздывал. Труп не боялся, что дело сорвется – имелись у него и еще варианты, – но раздражался, когда шло не по задуманному им плану.

Дверь взвизгнула резко, неожиданно. Труп вздрогнул, вскочил и отступил за угол. Из двери выскочил кучерявый истопник и быстро-быстро просеменил по ступенькам вниз, споткнулся и упал в лужу. За ним на крыльцо вышел широкоплечий мужчина (банный сторож).

– Ну что ты? Не убится? – крикнул он в темноту.

– Все нормально, – отозвался кучерявый истопник, поднимаясь на ноги.

– Ну, я здесь постою, иди включай свой газ...

Истопник прошел через двор, качаясь и спотыкаясь, открыл замок и исчез в котельной. Сторож остался на лестнице, покуривая. Бесхлопотное проникновение в баню срывалось.

– Тьфу, гад! Нажрался! – процедил Труп сквозь зубы, сплюнул на мокрый асфальт и отошел за угол. Теперь для того, чтобы попасть в баню, нужно было дожидаться не меньше часа, а зонтика Труп с собой не захватил.

Во всем городе, носящем имя Ленина, Труп был самым результативным вором-одиночкой. Множество предложений вступить в бандитский коллектив он отклонил и даже не посещал воровские симпозиумы. С юности привыкнув работать в одиночестве и не признавая труда коллективного, он брал где хотел и что хотел. Вовсе не из любви к роскошной жизни и не ради денег, как таковых – брать чужое являлось его призванием. Давно, еще в молодости, по этому поводу он восемь лет томился в неволе. Там он усвоил главнейшую заповедь людей, пользующихся чужим без спроса: "Если хочешь быть здоров – ешь один и в темноте".

В неволе, на нарах, его и заприметил печальный узник Парамон – вор авторитетный, попавшийся на мелочевке, но о нем поговаривали, что бездоказанных трупов за ним не меньше микрорайона насчитается. Парамон к тому времени был без зубов, даже хворый и кашлял кровью.

Кашлять кровью Парамон обучился недавно и знал наверняка, что с зоны не выйдет, хотя осталось ему до вольного срока три месяца. Его смерть в красных погонах охранника, с кавказской чернотой в волосах, ухмыляясь, следила за ним с вышки. Встретившись взглядом с черными зрачками абхаза, Парамон бледнея, начинал дрожать.

– Как дала, бэратан?! – махал абхазец рукой и подмигивал.

Парамон торопился отвести взгляд... Но днем ничего, днем смерть его только пугала – не трогала.

Ночью их беседы были более продолжительными. После них он возвращался из охранного помещения еле волоча ноги, мокрый от пота и ночью, стоная, воя от боли, не спал. Никто на всей зоне, видя умирание Парамона, не знал, отчего лютует недавно поступивший в охрану абхазец и какие расчеты у него со старым вором Парамоном;

Однажды ночью, когда абхазец не дежурил, Парамон придвинулся к Труп.

– Сдохну я, – сказал он ему тихо. – Слушай меня, парень...

И Труп, тогда еще двадцатитрехлетний, узнал историю Парамона. Когда-то Парамон угробил брата злобного охранника. Доказать, что это было убийство, судьи не смогли. И теперь, выследив, абхазец припоминал ему брата.

– Сдохну я... Сначала-то не успел, а потом поздно было... – Парамон закашлялся, харкнул кровью на пол и вытер со лба пот. – А ты слушай, парень. Слушай внимательно... Осталось у меня дней десять, не больше... Хочу тебе тайну передать. За эту тайну любой из наших все бы отдал... Никому не хочу... Волчары все! Гниль лагерная!.. Тебе открою, ты перспективный. Один черт – сдохну. Само к тебе в руки плывет...

Он оглянулся, прислушиваясь к храпу эков, приблизил губы к самому уху Трупа и зашептал, торопясь рассказать то, что знал до смерти, которая приходила за ним ночами. Днем не трогала – только пугала:

– Как дэла? Бэра-тан!

Труп посмотрел на часы, бросил четвертый бычок в темноту и поднялся со ступенек. Время пришло. Он слышал, как пьяный истопник пробрался обратно в котельную.

На всякий случай Труп прокрался во мраке к окну и послушал, но кроме радостного комариного жужжания тонкий его слух ничего не уловил. Осмотрев обессвеченные и оттого глядящиеся мрачно окна мыльных отделений, Труп двинулся к подвальному оконцу. Уборщицы смытой с человеческих тел грязи, выключив свет, ушли спать, и никто не в состоянии был помешать задуманному Трупом делу. Разве только сторож, но он дрых внизу, в страхе закрывшись плотно дверью от тысяч свирепых кровососущих насекомых.

Труп открыл маленькое подвальное оконце и фонариком посветил в сырую, затхлую тьму помещения. Подвал был сильно захламлен строительными материалами, стеклами, битым кирпичом; где-то пищала вода из прохудившейся трубы. Осветив себе место, на которое встанет ногами, он выключил фонарь и, оглядев для верности вокруг себя темный двор, полез в окно. Оказавшись в подвале и втянув за собой сумку, Труп, освещая завалы мусора светом фонаря, стал пробираться к двери.

Этот нелегальный ход в баню показал ему знакомый бомж с десятилетним стажем. Бомж часто пользовался лазом, чтобы дать на ночь приют своему телу. Полгода назад его истомленную плоть определили на временное место жительства, правда, несвободное, но зато на два года. А он и рад был. На хрена ему свобода в социалистическом лагере?

Дверь, до которой не без некоторых трудностей добрался Труп, вела в вестибюль, где стояли двухметровые статуи голых мужиков и баб в позах, за что-то побитых и покалеченных посетителями. Послушав, Труп открыл дверь, бесшумно проскользнул на черную лестницу. Он преодолел только несколько ступенек, как сверху раздались торопливые шаги и голоса.

Возбужденный, испуганный:

– Здесь где-то должен быть! Я видел, как он...

Спокойный, уверенный:

– Найдем. Не переживайте, дадим ему под ребра!..

Труп быстро огляделся, кинулся вниз под лестницу, но место там оказалось занято ящиками. Шаги приближались. Люди были совсем близко. Уже не соблюдая тишины, он бросился к двери подвала.

– Слышите!? Шаги! Он там!!

Затопали интенсивнее. Труп шмыгнул за дверь и замер, дальше через завалы бежать было бессмысленно, впотьмах он бы наверняка переломал себе ноги. Осталось только одно – затаиться и ждать. А потом, когда откроют дверь подвала, ударить первого, кто попадется, в челюсть и бежать к входной двери бани, а там крюк – его только сбросить... Там бы проходняками... Ушел.

– Здесь где-то...

Голос раздался совсем рядом с его лицом.

– А это что за дверь? Ну-ка!

Труп приготовился к прыжку. Мгновение, второе, третье... Труп почти физически ощущал, как рука невидимого человека, который должен рухнуть, сбитый ударом кулака, тянется к ручке двери...

– Да вот же он. Глядите-ка, спрятался. Эй! Эй, ты живой?!

– А ты его пихни под ребра!

Труп не сразу понял, что произошло. Он все еще находился в напряжении, капли пота, скатываясь со лба, жгли глаза... Наконец, поняв, что опасность миновала, наклонил голову и стал смотреть в щель.

Два милиционера и сторож стояли спиной к двери подвала и глядели на то, что Трупу видно не было.

– Ну что, берем? – сказал сержант.

Милиционеры двинулись к статуе. И тут Труп наконец увидел человека, которого при выходе из подвала проглядел. Тот стоял в углу, обхватив каменную бабу руками и любовно прислонив щеку к ее массивной ягодице. Глаза его были закрыты то ли блаженством, то ли дремой... Серый костюм, серое лицо человека сливались с серым телом статуи и на ее фоне были почти неразличимы. Милиционеры дружно отодрали серенького человека от серой бабы и поволокли к выходу. Он попытался слегка возразить, но сержант дал ему под дых, и тот возражать передумал.

Проводив, сторож закрыл за ними дверь на крюк и, озираясь, пошел к себе в сторожку; загремел засов, на который он закрывался для спокойствия сна.

– А! Суки!! Всех угроблю!!

Услышал Труп из своего укрытия страшный крик и хлопки, грохот... Сторож сводил счеты с бандой кровососов.

Труп подождал, пока хлопки и грохот стихнут, отворил дверь и, бесшумно ступая, сиганул вверх по лестнице. Разогнавшись, он проскочил нужный этаж, распугал коллектив кошек, опомнился где-то между вторым и третьим, спустился, включил фонарик и шагнул в неосвещенный коридор.

Прежде Труп не раз посещал баню ЛЬ 50, только раньше его интересовал не кабинет директора, а дамское отделение. Вернее сказать, помещение, в котором женщины раздевались донага. Два раза в месяц, от скуки и для поддержания воровской формы, он "потрошил" фены, под которыми сушили головы вымытые дамы. Насчитывалось в сушильных агрегатах до восьмидесяти-девяноста рублей десятикопеечными монетами... Но это было до перестройки, тогда это еще были деньги, и на неделю Трупу хватало.

Освещая себе путь светом фонарика, Труп отыскал нужную дверь, достал из сумки связку отмычек...

– Тьфу ты, черт! – выругался он. Но, тут же опомнившись, оглядел темный коридор и опять зашерудил в сумке. – Ну как же это я, а?! – бормотал он, окончательно потеряв бдительность и душевное равновесие. – Что же теперь?..

Он уже припомнил, что сегодня вечером использовал свои воровские перчатки не по назначению, а в качестве прихватки для горячей сковороды и, как назло, забыл их в кухне. Но все же упорно продолжал копаться в сумке, выворачивать карманы пиджака, брюк... надеясь на чудо. А воровские перчатки тем временем без дела лежали в кухне на табуретке. Операция срывалась.

В седьмой раз перерывая карманы пиджака, Труп достал толстую бумажную ленту. Вспомнив о бесполезности ленты для него, собирался засунуть ее назад, но странная мысль остановила его. В темноте Труп ухмыльнулся и надорвал хрустящую обертку.

Хотя возраст и пьянство безвозвратно истребили в Трупе всякую охоту до контингента инополого, он все еще надеялся на счастливую встречу, поэтому купленные от СПИДа презервативы не выкладывал. А совсем недавно, увидев в аптеке новую их упаковку, старые занесенные из кармана выкинул, а вместо них положил свежие – но потенции все равно не прибавилось.

Надорвав обертку, Труп достал проверенный советской электроникой презерватив. Давненько Труп не держал в руках предметов подобного назначения. Разглядев его в свете фонаря, он ухмыльнулся и стал натягивать презерватив на место, для него совершенно не предназначенное – на руку. Контрацептив оказался впору даже такому замысловатому члену. Труп сжал конечность в кулак, развел пальцы... Рука действовала. Не доверяя советскому качеству, он натянул еще один, потом одел в презервативы вторую руку, и принялся за дело.

Замок оказался ерундовый, для мастера такого класса, как Труп, он не представлял трудности. В презервативах работать оказалось легко, будто голыми руками, и Труп испытывал удовольствие.

Кабинет директора был невелик. Прямо напротив окна стоял сейф, рядом с ним диван, справа у стены стол. Но Труп не бросился сломя голову к сейфу и не начал его взламывать. Для начала он со вниманием отнесся к директорскому кабинету. Обнаружилась в кабинете кладовка: маленькая, заваленная всяческим хламом, в случае чего в ней можно было укрыться.

Взяв это для себя на заметку, Труп принялся за дело. Сейф был средней сложности. С презервативами он перестраховался не зря: один все ж таки во время работы лопнул, и его пришлось заменить. Початую пачку он положил пока на директорский стол, продолжив работу.

Через десять минут Труп отворил толстую дверцу сейфа и осветил его внутренности. На второй полке перевязанные банковским способом лежали стопки денег. Труп не стал сразу хватать их, он сначала полюбовался, стараясь навсегда запечатлеть в памяти приятный натюр-морт. Хотя в жизни своей видел он такое часто, все равно каждый раз его охватывало сладострастное томление сродни оргазму. Во всяком случае, таким Труп еще помнил оргазм. Вот и сейчас... Но что-то вдруг вырвало его из приятного полуреального состояния. Что это было, Труп понял не сразу. Он прислушался. Кто-то вскрикнул на улице, но это было не то... в бане монотонно жужжали горелки в затопках, и это не то... Вот! Шаги. По лестнице кто-то поднимался. Еще далеко, в начале лестницы. Но Труп был уже уверен, что поднимаются сюда... Неужели за ним?!

Труп осветил внутренность сейфа, с тоской подумав, что деньги трогать не следует. Прикрыл сейф, но не на замок – закрывать отмычкой был процесс долгий. Шаги приближались, он уже различал голоса... Труп вошел в кладовку и, нащупав изнутри на уровне ниже пояса торчавший из двери гвоздь, взялся за него, чтобы дверь не открывалась.

Пришельцев, помешавших ограблению, судя по голосам, было двое: женщина и мужчина. Мужчина был сильно пьян, женщина хотя и хохотала громко и языком заплеталась, но больше из притворства. Опытный Труп сразу распознал хитровку. Они остановились возле двери. Мужчина стал попадать ключом в скважину, но все неудачно.

– Вот ты сейчас увидишь... Деньги есть в изобилии... – бормотал он.

Женщина хохотала только и называла его Ссусиком. Наконец она помогла Ссусику открыть замок, мешавший проникновению к денежному изобилию, и он первым с грохотом ввалился в помещение кабинета. По шуму, сопровождавшему вторжение, Труп понял, что Ссусик попал телом на стол и уронил телефонный аппарат.

– Ну что ты, Ссусенька? Не убейся, милый...

– Вот я тебе сейчас и покажу... Да у меня одних взяток... Сколько хочешь...

Зазвенели ключи, Труп напрягся. Вот сейчас он обнаружит, что сейф открыт и тогда... Действия пьяного директора трудно было предугадать. Пьяный человек опасен – никогда не знаешь, что у него на уме.

– Черт-те знает! То не открыть никак, то сам открывается... О! Видала?! Эти не трожь! Это получка трудового коллектива. Банщикам на сигареты. Вот тут мои. На тебе подарок... Хе-хе-хе...

– Мало, Ссуса... – обиженно заныла дама. – Еще столько же... Не жмотничай. Вот у тебя сколько...

"Хватит с тебя, – раздраженно подумал в кладовке Труп. – У-у, зараза. Все ей мало..."

Потенциально деньги эти принадлежали уже Трупам, и было обидно, что директор отдает его деньги шлюхе.

– Ну на, на, киска... Не жалко. Мне завтра еще взятку принести обещали.

"Сволочь, взяточник проклятый", – думал Труп.

– Кстати, зовут-то тебя как?

– Лена. Ты что, забыл, Ссусик?

Опять что-то загрохотало.

– Ну давай, давай скоренько. Только на столе, я извращенец.

– Смотри-ка, и резинки у тебя лежат приготовленные. Нас ждут... Ты чего, совдеповскими пользуешься?

– Откуда они здесь? Отродясь в кабинете не держал.

Зашуршала обертка, и Труп вдруг вспомнил, что контрацептивы это его собственные, забытые им при переодевании на столе.

– Не знаешь – не беда, значит, добрый человек оставил, – ласково, возбуждающе говорила дама. – Ну надевай, не артачься. А советских лучше два, они рвутся...

Ссусик недовольно бурчал, цокал языком и, кажется, одевать ничего никуда не хотел и СПИДа не боялся.

– Ну, давай, маленький, я тебе помогу... Вот так. Умница. Хоть тебе на столе, хоть тебе в сейфе, знай – плати...

Труп, крепче уцепившись рукой, одетой в презерватив, за гвоздь, удерживая изнутри дверь, скрипел от злости зубами. Они без зазрения совести использовали его презервативы и забирали из сейфа его деньги.

Разговоры смолкли, что-то зашуршало, зачмокало, заелозило, через некоторое время дама стала охать да ахать, а мужик дышать, как паровоз. Трупу вдруг стало очень интересно, что же там делается. Он ослабил пальцы в предохранителях от беременности. Дама ахала все интенсивнее, по возрастающей; мужик дышал, как стайер, за которым гналась больная СПИДом собака. Труп стал легонько толкать дверь, чтобы образовать щель. Но тут дама взвыла не своим голосом, и Труп, испугавшись, что его заметили, закрыл дверь плотнее и затаил от страха дыхание.

– Хорошо, – сказала дама через некоторое время.

– Чего хорошо-то? – зло спросил отдышавшийся мужчина. – Сигарету хочешь?

Кладовка наполнилась дымом, вероятно, сзади в стене было вытяжное окно, сосавшее дым через дверные щели. Трупу сделалось дурно. Вдруг в глубине кладовки что-то зашуршало. Труп вздрогнул и чуть повернул голову, но в темноте видно ничего не было.

"Крыса, – подумал Труп. – Еще не хватало!"

– Там что-то скребется! – воскликнула дама. – Это наверное крыса. Я боюсь! Ссусь, посмотри...

– Сейчас я ее грохну!

Труп приготовился к прыжку. Неожиданно вырубить пьяного взяточника, потом даму, забрать деньги... В голове крутились десятки мыслей, но ясным было одно – действовать нужно решительно и идти напролом.

Ссусик спрыгнул со стола и зашерудил в дальнем углу.

– Здесь где-то была... Вот, падла.

– Ты что там ищешь, Ссусик?

– Да дубину, я ею крысам черепа крошу. О! Ты смотри, бутылка конины. Откуда она здесь? Смотри-ка!

Что-то упало.

– Пьем и уматывай. У меня день завтра тяжелый, – зазвенело стекло, забулькало. Труп слышал, как Ссусик сделал три больших глотка.

– Все, уматывай. А я здесь лягу, на диване.

– Надеюсь, ты дашь даме на мотор?

– Да ты что? Оборзела?! – заорал рассвирепевший Ссусик. – И так столько бабок хапнула, падла!

"Правильно! Молодец", – в мыслях похвалил Труп.

– Ну, Ссусь, червонец на мотор... – бормотала шлюха.

– Иди, иди, иди... Там сторож, закроет.

– Сука ты, Ссусь! – с выражением сказала дама. Каблучки простукали по кабинету, дверь скрипнула и захлопнулась.

Ссусь вернулся к столу и забулькал жидкостью. Потом выпил тремя большими глотками, снова набулькал, снова выпил...

От долгого держания за одно место у Трупа онемели пальцы, неподвижность сказалась и на всем теле. Он иногда шевелил затекшими пальцами ног в ботинках, но результат от этого был минимальным.

Ссусик куда-то сходил, чем-то скрипнул, стукнул; и в щели потянуло сквозняком, потом свет погас, закрипел диван.

"Сколько времени, интересно? – подумал Труп, стоя в кладовке. – Пьяный спать должен хорошо. Только бы он сейф не закрыл... А, может, его порешить по-тихому, если спать не захочет?.."

Но на гробовое дело Труп идти не хотелось. И вообще, не хотелось сегодня никого ранить или убивать, настроение было не то.

Скоро умаявшийся от спиртного и любви Ссусик захрапел, впав в полноценный здоровый сон беззаботного, чистого душой человека. Труп выбрался из укрытия и, осторожно шагая в темноте, подкрался к сейфу. Труп протянул к сейфу руку. На улице хлопнула дверь, зацокали по асфальту каблучки.

– Дэвушка! Падажды! С тобой гулять хочу!

– Ссусик?! Это ты?! Бабки-то имеешь, чтоб гулять? – раздался с улицы знакомый голос.

– Дэнги есть! Вот!! Такой красивый женщин. Вай! Сколько?!

– Ах ты, Ссусик мой ненаглядный!.. Сколько у тебя там?..

Банный Ссусик захрапел и перевернулся на живот.

Ключи оказались в замке сейфа. Труп потянул за ручку, дверца медленно открылась. Он ухмыльнулся во мраке и запустил руку в сейф. Все нащупанное на обеих полках он переложил в сумку и прикрыл дверцу. Путь к выходу оказался сложнее то ли из-за того, что деньги уже были с ним, то ли из-за того, что поскорее хотелось домой. Он второпях наскочил бедром на угол стола, ушибся и нашумел. К счастью, сон Ссусика был безмятежен.

Труп тихонько вышел в коридор, прикрыл дверь и заспешил вниз по лестнице, на волю.

Дальнейшим его действиям припятствий никто не чинил, поэтому, прокравшись в подвал и перебравшись через хламные завалы, он, наконец, оказался на воздухе. Дождь перестал, темень была невероятная. Электронные часы показывали 4.12.

Сняв с руки презервативы, он не бросил их тут же в темноту, а положил улики в карман и с чувством выполненного долга заспешил домой. К себе он возвращался тем же проверенным путем – через чердак.

Добравшись домой и уже улегшись в постель, прежде чем заснуть, Труп подумал, что сегодняшнее дело было хоть не очень прибыльным и не очень гладким, но уж точно бездоказным. Скорее всего, Ссусик выдаст получку взятками, шума поднимать не станет.

Глава 3

Механизм переноса начинает свою работу после расстабилизации индикатора покупателя и кассира. Вначале механизм совершает холостой ход..."

За стеной что-то обрушилось, стукнуло, по коридору прогрохотали шаги, хлопнула дверь...

– У-у, гад! Гад проклятый!! Всю рожу расцарапаю! Мужлан! Животное!!

Владимир Иванович отложил руководство по эксплуатации "Машины контрольно-кассовой АИТ-2", встал с софы и выглянул в коридор. Из соседней двери торчала голова Валентина со следами недавнего насилия на лице: волосы всклокочены, по щеке размазана то ли кровь, то ли помада.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – улыбнулась голова и тут же исчезла, дверь закрылась.

– У-у, козел! – выругался Владимир Иванович, в сердцах хлопнув дверью и вновь направляясь к софе.

Но читать он больше не стал, а лежал, глядя на протечку в потолке, и грустил неизвестно о чем, в задумчивости тихонько напевая тюремную матерную песню.

Изнурившись в безделии и проголодавшись изрядно, Владимир Иванович поднялся с продавленной софы и двинулся в кухню.

В кухне, закинув ногу на ногу, сидел печальный Валентин и курил сигарету. Когда Владимир Иванович вошел, Валентин стыдливо поторопился прикрыть выступившие из халата ноги. На него не глядя, Владимир Иванович стал подогревать себе макароны.

– Вчера, знаете, с женщиной познакомился, – заговорил Валентин. – Телка крутая. У нее туфли австрийские вот на таком каблуке, – Валентин стряхнул пепел в масленку. – Прелесть! Как раз такие в последнем каталоге мод...

Владимир Иванович, не слушая, взглянул на Валентина. Синяк под его глазом был тщательно запудрен. Валентин указательным пальчиком кокетливо стряхивал пепел и качал ногой, через дыру в носке вылезал большой палец с ногтем, покрытым алым лаком.

– А она и говорит: "У меня муж уехал, пойдем ко мне". Ну что же, я со всеми бабами спать должен? Правда? Здоровье свое побережь тоже нужно... Мы к ней, конечно, зашли -раз-другой... сами понимаете. Мы – мужчины – такой уж народ, – Валентин затушил сигаретный бычок в масленке. – А она говорит: "Давай поторапливайся, муж скоро придет". Впопыхах радости мало, но ничего, тоже вкайф...

Валентин закрыл масленку с окурком крышкой, убрал в ящик стола и пошел к двери, плавно покачивая бедрами.

– Да, кстати, на двери объявление, что завтра воду отключат обеих температур... А я, пожалуй, сейчас прогуляться на панель пойду. Люблю в позднее время гулять. Может, бабу какую подклею...

– И надолго воду-то отберут? – спросил Владимир Иванович.

– На неделю. Так что запасайтесь.

– В тот раз тоже на неделю отключить обещали, я всю комнату кастрюлями и тазами заставил – так ничего.

"Нужно не забыть завтра с утра в ведро воды набрать", – подумав это, Владимир Иванович достал из кармана домашних брюк новенький платок, старательно, хоть и не имел насморка, высморкался в него и завязал узлом. "Не забуду".

Наевшись в одиночестве макарон, Владимир Иванович вернулся к себе в комнату и, сев за письменный стол, открыл общую тетрадь. Весь остаток вечера, до ночи, он посвятил своему труду.

Труд, которому Владимир Иванович отдал двадцать лет жизни, сам он называл высокопарно: "Уголовный фольклор". Проще и яснее говоря, он собирал изустное уголовное творчество: песенки, побасенки, сказки и поговорки, короче говоря, все то, что бытует среди известного контингента, который честно жить не хочет, и с которым определенные силы ведут никому не заметный бой. С годами Владимир Иванович, собирая уголовный фольклор, пришел к убеждению, что уголовщина – это целостная культура, существующая параллельно с нашей, быть может, даже более древняя и устойчивая. Если наша культура осовременивается и под воздействием прогресса видоизменяется, уголовная остается прежней и даже более того – постепенно она переливается из-за решеток в мир вольный. Не секрет, например, что мат зародился именно в исправительных лагерях (тогда еще острогах, каторгах...) Представители уголовной культуры, покидая места исправлений, несли его в мир. Народ с радостью подхватывал и распространял новые названия и имена, они входили во все слои общества, все крепче вливаясь в культуру всего нашего великого народа. Теперь, пожалуй, по всей необъятной стране не сыскать школьника, не знающего, куда вас в случае чего можно послать и прочих имен существительных, при помощи которых и откуда берутся дети. Не только отдельные слова и выражения перекочевали в нашу культуру, но сам уклад жизни и отношения между людьми. На каторге, на зоне каждый являлся личностью, несущей ответственность за собственное выживание, пытался обмануть, обокрасть ближнего в естественной потребности сохранить себя в живых. А все остальные пускайдохнут – черт с ними. Приблизительно то же со временем стало наблюдаться и среди народа вольного. Каждый уже стремился надуть другого, обокрасть, обмануть... Все разрешилось, ко всеобщему удовольствию, октябрьским переворотом. Веками проникавшая и копившаяся в народе уголовная культура нашла, наконец, официальную поддержку и выход. Сначала, как водится, уголовники перерезали всех людей, бывших не уголовного умосложения, а потом организовали из страны одну большую исправительно-трудовую зону. Вот славно-то!

Такой являлась одна из оригинальных гипотез Владимира Ивановича о причинах возникновения социализма на Руси. Имелись и другие теории, но все они так или иначе были связаны с уголовным миром. Но не эти теории занимали его мысли больше всего, они возникали попутно – прежде, конечно, был уголовный фольклор.

Владимир Иванович никогда не водил близких знакомств с уголовниками, он их, как все порядочные люди, избегал. Свои сведения он записал с рассказов бывшего тюремного надзирателя, проживавшего в их квартире. Жил он в комнате, ныне принадлежащей Валентину, и снабжал Владимира Ивановича подробными сведениями на интересующую его тему. К концу жизни в квартире надзиратель свихнулся: оковал свою дверь железом, продырявил в ней глазок и комнату оборудовал под одноместную камеру со всей соответствующей атрибутикой, такой как: нары, умывальник, "параша", решетки на окне... Вероятно, в мозгу его произошло раздвоение чего-то, потому что одну половину дня он представлял себя изолированным от советского общества особо опасным рецидивистом, а другую наоборот – надзирателем, следившим за воображаемым опасным уголовником. Во время заключения он валялся на нарах, курил, горланил тюремные песни и матерился сам с собой. Кормился он, как и полагалось, на тридцать семь копеек и пользовался алюминиевым прибором. В то же время, когда он преображался в надзирателя, то злой и смурной ходил по коридору мимо камеры, по временам заглядывая в глазок, или варил на неделю в ведре похлебку заключенному. Но однажды случилось несчастье. В момент перевоплощения он забыл закрыть за собой дверь камеры. И особо опасный преступник бежал. Ночью он прокрался по коридору в кухню, привязал к ножке стола Владимира Ивановича простыню, спустился по ней на крышу гаража – и был таков! С тех пор бывшего надзирателя никто не встречал.

Как раз в этот полоумный период жизни надзирателя Владимир Иванович почерпнул от него особенно много песенок, словечек, прибауток... И самое главное, имел возможность

наблюдать тюремную жизнь собственными глазами. Но все это было уже в прошлом. С той ночи, когда бывший надзиратель совершил побег, перекрылся канал, по которому Владимир Иванович получал сведения об уголовном быте. Но он не загрустил, а увлекся сбором материала и разработкой технологий, способных пригодиться уголовнику на воле.

С годами скопилась у него неплохая библиотека по инструкциям к контрольно-кассовым аппаратам разных марок, схем замков сейфов и обширнейшие сведения о всевозможных системах сигнализаций (от обычных магнитных до лучевых и колебательных). Иногда для освежения памяти он брал какую-нибудь инструкцию с собой в метро или читал дома. Но, конечно, главным занятием его жизни был фольклор и возникающие в голове умозаключения.

Опубликовать свой труд Владимир Иванович не помышлял, в исправительно-трудовом лагере социализма об этом можно было и не думать. А Владимир Иванович и не думал, он писал для себя, в свое собственное удовольствие, перепечатывал тоже сам, переплетал и ставил на полку над столом. Полка эта у него была особенная и особо любимая: на ней хранились все написанные им книги по уголовной фольклористике и теоретические разработки возникновения социализма на Руси.

Дописав до последней точки то, что имел в виду, Владимир Иванович встал, вздохнул и, захлопнув тетрадь, положил ее в ящик стола. Пройдя для разминки тела по комнате, он в задумчивости сунул руку в карман и все в той же задумчивости вынул оттуда завязанный узлом носовой платок. Владимир Иванович смотрел на него, использованный однажды, вспоминая повод, по которому привел его в такое положение. Прошелся, держа его перед глазами, из угла в угол; лег, полежал на софе; все это время мозг, стараясь вспомнить, напрягался.

– Нет! Не могу! – воскликнул Владимир Иванович, вскочил с софы, в ярости комкая платок.

Спешными шагами он подошел к старенькому платяному шкафу и рванул на себя дверцу. Она взвизгнула несмазанными петлями, и на Владимира Ивановича сверху вдруг обрушился бесшумный поток. Он отпрянул и захлопнул дверцу, но поздно – все, что могло, оттуда уже вывалилось.

Вокруг Владимира Ивановича лежали десятки завязанных узлами носовых платков. Он некоторое время стоял в них по щиколотку, горестно озираясь, потом вздохнул грустно и, открыв шкаф, стал насильно, не соблюдая порядка, утрамбовывать те платки, которые удержались на полке, чтобы они дали место вольно валявшимся на полу. Примерно через полчаса закончив борьбу с платками и запихав их все без остатка на полки, Владимир Иванович решил передохнуть и лег спать пораньше, когда не исполнилось еще и трех часов ночи.

Глава 4

Я поднял лицо от листа бумаги и потер лоб ладонью.

– Тук-тук-тук...

Снова постучали в дверь. Значит, в первый раз мне не примерещилось. Я взглянул на часы, было три часа ночи.

"Здорово я расписался... Кто же в такое время?" – мне стало немного не по себе. Тук-тук-тук...

– Кто там? – тихо спросил я, но ответа не услышал. – Кто там?! – повторил я погромче.

– Это я – Мария Петровна, открой скорее...

– А что случилось?

У меня было неприятное предчувствие. Мне почему-то совсем не хотелось ее впускать.

– Открывай, открывай скорее, а то будет поздно, – повысила она голос.

– Господи, да чего поздно-то? Уже поздно – ночь на дворе.

Я подошел к двери. Отодвинул защелку. Мария Петровна в халате, с распущенными волосами, оттолкнув меня в сторону, вошла и торопливо защелкнула задвижку.

– Ну вот, так-то и хорошо...

– Да что случилось? – с тревогой спросил я.

Мария Петровна изумленно уставилась прямо мне в глаза. На ней был халат весь в огромных розах, и вид она имела праздничный: волосы были хотя и распущены по плечам, но расчесаны, и в них алела заколка в виде экзотического цветка, под мышкой праздничная Мария Петровна держала банку с белой мутной жидкостью.

– Что вы так смотрите?! – не выдержав ее пристального взгляда, воскликнул я.

Ни слова не говоря, она медленно подняла свободную руку и провела мне по волосам. Я отступил.

– Да что с вами?

Я сделал шаг в сторону, но обширное тело Марии Петровны, загромоздившее дверь, не давало мне никакой надежды на спасение.

– Ну что ты, милый, заметался, словно в клетке? – наконец нетвердо выговорила она. – К тебе дама в гости пожаловала, а ты... Я вон тебе и бражки принесла... Небось скучно одному-то без дамы, в ночи дремучей, а?

Мария Петровна встряхнула банку – со дна ее поднялась белая муть. Я вздохнул с облегчением, увидев, что она не сумасшедшая, как мне показалось сначала, а просто пьяная.

– Доставай чашку, выпьем слегка... за знакомство...

– Да я, Мария Петровна, как-то... Может, в другой раз?

– Ну и в другой тоже выпьем, я еще бражки поставлю. Так что ты не огорчайся, на другой раз тоже останется.

Она поставила банку на мою рукопись и, выдвинув ящик стола, наклонилась.

Мне стало грустно. Пить среди ночи с женщиной преклонного возраста мутную и наверняка гадкую на вкус жидкость, слушать ее рассказы о тяжелом детстве и жизни – перспектива плачевная. Глядя на ее огромный зад весь в розовых цветочках, я удерживался, чтобы не дать по нему пинка. Вот бы смеху было! Она разогнулась, пошерудила внутри чашки с отбитой ручкой пальцами, вероятно, стирая пыль, дунула и поставила на стол.

Она глядела на меня не отрываясь.

– Мне чего-то не хочется, – открыв банку и понюхав дрожжевую смесь, сказал я. – Вы, конечно, пейте... Я налил в чашку.

– Нет уж, давай пополам. Ты первый, – она поднесла мне к губам чашку и зацокала языком, как маленькому. – Ну, за маму сделай глоточек.

– Ну хорошо, хорошо, – сдался я. – Только я сам. Я взял чашку и сделал два глотка. Как я и думал, брага оказалась мерзкая.

– Вот и умница.

Она забрала у меня чашку и залпом допила остатки. Я нарочно не предлагал ей сесть и даже заранее задвинул стул в угол, надеясь таким образом ускорить ее уход.

– Ну все, Мария Петровна, вы извините, но мне спать пора – завтра вставать рано. А уже вон, три часа...

Так бы и дал этой бражнице пинка!

– Ой! У меня что-то голова закружилась, – она театрально прикрыла глаза ладонью. – Упаду я сейчас, – другой рукой она обхватила меня за плечи.

Хоть мне и неприятна была возня с пьяной теткой, но я слегка поддержал ее за жирную, складчатую талию.

– Сейчас я вас провожу. Конечно, спать идите... – бормотал я, делая с ней несколько шагов к двери. – Поздно уже...

Путь наш пролегал мимо кровати, и когда мы с ней поравнялись, Мария Петровна вдруг захохотала и, с пущей крепостью обхватив меня за шею, стала валиться набок. Потеряв равновесие, я стал падать вместе с ней, одной рукой стараясь освободить шею от ее сильной хватки, другой наобум шаря в воздухе. Рука моя нащупала какой-то предмет, я схватился за него и изо всех своих сил напрягся, отчаянно срывая ее руку. Мягкая, потная рука заскользила по моей шее, цепляясь ногтями за кожу, но уже не имея сил и возможности удержаться... Мария Петровна всем обильным телом своим в одиночестве рухнула на кровать, уронив пирамиду подушек.

Я выпрямился. При падении халат у нее расстегнулся, и сейчас она лежала передо мной с развалившимися на две стороны грудями и свисшим на один бок животом.

– Иди ко мне, – вдруг сказала она размазанным по щеке ртом, протягивая в мою сторону полные руки. – Иди!

Она яростно дышала, развалившаяся грудь интенсивно вздымалась, глаза, открытые на всю ширину, взирали с такой пожирающей похотью, что внутри меня что-то зашевелилось. Но я вовремя окинул взглядом ее рыхлую плоть, вид которой тут же отрезвил меня, и зашевелившееся в глубине странное желание погасло. Мне даже стало плохо в желудке, и голова закружилась...

– Ну скорее, иди... – манила она.

– Да нет... Что вы... Как можно? – наконец через силу забубнил я, отрываясь от безрадостного зрелища и отходя к столу.

За спиной у меня заскрипела кровать, и я услышал, как Мария Петровна, тяжело сопя носом, приблизилась ко мне сзади. Из приличия я стоял, разглядывая банку с брагой – мне было неприятно и страшно вновь увидеть реалистическую картину ее героического тела. Я предполагал, что сексуальный вопрос исчерпан моим отказом окончательно. Но сопение за спиной с каждым мгновением нарастало. Мне стало не по себе. Я обернулся и... попал прямо в охапку к Марии Петровне. Красные ее губы впились мне в лицо чудовищно-страстным поцелуем, полностью перекрыв доступ воздуха в легкие. И я забился, задергался в ее могучих, горячих объятиях. Руки мои оказались накрепко прижатыми к корпусу, а губы и нос очутились в самом эпицентре поцелуя. Я вертел головой, извивался телом, и когда, уже смирившись с неизбежностью конца, обмяк, Мария Петровна закончила поцелуй и ослабила объятия.

– Миленький мой, – зашептала она. – Ну поцелуй меня, обними.

Она вновь хотела впиться мне в лицо поцелуем, но я, уже отдышавшись, напрягся и выкрутился из ее ручищ.

– Да что вы?! Ну как это! Чуть не задохнулся, – бормотал я, отходя подальше к окну, уже не обращая внимания на обвислую плоть, опасаясь лишь новых проявлений нежности и зорко следя за каждым ее движением.

– Ишь ты, какой недотрога, – сказала Мария Петровна, запахнув халат и наливая в чашку браги. – У меня и негры, и вьетнамцы комнату снимали, таких недотрог не встречалось. Иди, выпей для храбрости.

– Мне и не страшно, – соврал я, делая еще один шаг назад.

– Ну тогда я, для храбрости.

Она, шумно глотая, выпила, сморщила лицо и, кокетливо поправив растрепавшиеся волосы, сделала шаг в мою сторону.

– Ну что ты, милый, – улыбнулась она исковерканными размазанной помадой губами. – Иди ко мне, глупыш...

Она медленно надвигалась на меня, как надвигается живодер, боящийся спугнуть одичавшую кошку. Для приманки она отпустила полы халата, и они снова разошлись, обнажив страшное тело.

– Слышите?! Кричит кто-то. Сюда идут! – воскликнул я. – Слышите?!

Она поспешно запахнула халат и обернулась на дверь. Мне сначала и вправду показалось, что кто-то вскрикнул, и слышались шаги в прихожей. Увидев ее реакцию, я уцепился за новую, быть может, спасительную мысль.

– Слышите?! Точно идет кто-то, – я бесстрашно подошел к ней. – Посмотрите, может быть, это дети или еще кто...

Мария Петровна была явно напугана, она суетливо озиралась, ища глазами утерянный во время сексуального ража пояс от халата. Я достал его с кровати, куда она бухнулась, увлекая меня.

– Да-да, сейчас посмотрю. Может это... Посмотрю...

Не очень уверенно она подошла к двери, возле нее постояла, послушала, шмыгнула носом, провела рукой по волосам, стараясь не шуметь, отодвинула задвижку и вышла в прихожую.

Я тут же кинулся к двери, закрыл задвижку и, дыша от страха прерывисто, сел на кровать, сложил руки на коленях и уставился на дверь.

"Во-от вли-ип, – думал я, вытерев со лба выступивший пот. – Вот попал... А задвижка дохленькая. Если как следует дернуть... А эта бабища здоровущая, минимум в три мужичиных силы. Она, если ворвется – точно изнасилует... Едрена вошь!!!"

От таких мыслей мне сделалось совсем нехорошо. Я уже думал о жесткой вокзальной скамье, как об избавлении от мук. "Черт с ним, с романом! Этакую бабищу удовлетворять роты не хватит. Ну хоть бы помоложе да похудее была. Я бы может... А ведь точно изнасилует. Едрена вошь!!!"

В дверь стукнули тихо. Я затаил дыхание. Снова постучали, уже погромче.

– Миленький, открывай. Все спокойно, – зашептала она в щель.

– Я сплю, Мария Петровна. Мне вставать завтра рано.

– Я тебе покажу "сплю"!.. Открывай, миленький. Плохо тебе будет. Я ведь защелку сломаю к чертовой матери!

Она яростно затрясла дверь и застучала в нее кулаками, уже не стараясь соблюсти тишину. Я задрожал от страха. Защелка действительно держалась на соплях.

– Идите спать, Мария Петровна. Мне завтра вставать рано.

– Я тебе дам "вставать"! Открывай!! Ну открой, миленький... Задвижку сорву к чертовой матери!!!

Дверь страшно затряслась. Я в ужасе вскочил и заметался, ища возможности предотвратить прорыв Марии Петровны в комнату. Дверь тряслась как сумасшедшая. И тут в голову мне

пришла гениальная мысль. Я поднатужился и задвинул дверь огромной кровати. Ее дубовая спинка пришлась в самый раз. Это мне очень понравилось. Я выключил свет и сел на кровать.

– Ты что, кровать придвинул?! – плачущим голосом воскликнула из-за двери Мария Петровна. – Говори. Придвинул?!

Она снова изо всей силы грохнула по двери кулаком.

– Придвинул, придвинул. Спокойной ночи. Идите спать. Завтра поговорим.

– У-у-у-у!.. – мучительно взвыло за дверью. – Догадливый, гаденыш. Все равно дверь сломаю! Открывай!!!

"Как это дети от таких воплей не просыпаются? – подумал я, глядя в темноту. – Наверное, уже все соседи переполошились".

Я встал, впотьмах подошел к окну, отодвинул занавеску... и в ужасе отпрянул. Сквозь стекло на меня кто-то смотрел. Я отступил в комнату, не отводя глаз от темного силуэта за окном. Но в этот момент Мария Петровна взвыла особенно громко и ахнула кулаком по двери. Я бросил взгляд на дверь, а когда обернулся, силуэта за окном не увидел. Помедлив некоторое время, я набрался смелости и подошел к окну. Во дворе ни огонька. Не мудрено, что в такой тьме могло что угодно примерещиться. Да и третий этаж все-таки.

Видение за окном на некоторое время отвлекло меня от беснующейся Марии Петровны.

– У-у-у-у-у!.. – страшно выло за трясущейся дверью. – Открывай!!!

– Идите спать, – посоветовал я.

– Ну хорошо, – вдруг совершенно спокойным голосом сказала Мария Петровна. – Ладно, я спать уйду. Но только ты мне бражку отдай, и я пойду спать. Больше ты меня не услышишь. Договорились?

– Я уже сплю, Мария Петровна, – ответил я, распознав ее хитрость. – Завтра выпьете, завтра отдам.

– Ну отдай, миленький. Не могу я без бражки глаз сомкнуть... У-у-у! Открывай сейчас же!! – и снова ее кулачище заходило по двери. – Открывай!! У-у-у-у!..

Больше я с ней не разговаривал и ни на ее запросы, ни на вопли никак не реагировал. Вконец отупев от перенесенных за сегодняшнюю ночь стрессовых ситуаций, я смотрел прямо перед собой во тьму ночи, уже ничем не интересуясь. Мария Петровна выла, ломилась в закрытую дверь, угрожая и умоляя весь остаток ночи до первых дворников. И когда внизу, во дворе, кто-то стал шаркать метлой по асфальту, Мария Петровна начала слабеть: колотила уже не так крепко, и голос подсел. В конце концов, она вовсе умолкла. Потом, кряхтя (судя по звуку) поднялась с паркета, сидя на котором набиралась сил для штурма, и, охая, куда-то ушла. Тогда я тоже встал с кровати, сложил в сумку вещи из шкафа, рукопись... С трудом мне удалось отодвинуть сильно помятую кровать от двери. Перед уходом я осмотрел комнату, не забыл ли чего. В прихожей никого не было, стояла тишина. Я открыл замок, спустился по лестнице и вышел во двор.

Ритмично шаркая метлой, через двор продвигалась дворничиха в ватнике с наглухо завязанной платком головой. Я прошел мимо нее к подворотне, не глядя по сторонам.

– Комнату снять желаете?

Я поднял глаза. Передо мной стоял человек в шляпе с бамбуковой тростью в руке.

Глава 5

У него был большой угристый нос, тяжелые мешки под глазами и оттопыренные уши. Он стоял передо мной, поигрывая бамбуковой палкой и на меня не глядя, – он смотрел в небо.

– Вы что-то сказали? – не будучи уверенным, что это мне не послышалось, спросил я.

– Погода говорю, сегодня, по небу судя, хорошая будет. А вы как думаете?

– Я по этому поводу не думаю, – сказал я угрюмо.

Обогнув мужчину с тростью и оставив его со своими мыслями о предстоящей погоде, я направился к подворотне. Но не успел сделать и двух шагов, как моей спины что-то коснулось. Я обернулся. Это была трость гражданина, он еще раз слегка коснулся ею моего плеча:

– Так как насчет комнаты? Снять желаете?

Дворничиха монотонно шаркала метлой, не пропуская ни сантиметра поверхности двора; вокруг нее буцал откуда-то взявшийся идиот.

– Комнату?! Вы сказали, комнату снять?!

– Ну, конечно, комнату. А что же, голову по-вашему?

– Так вы сдаете?! – все еще не веря в свое счастье, воскликнул я.

– Если хотите, сдаю. Здесь, в этом дворе. Пойдемте, взглянете – может не понравится. Конечно, не хоромы: комнатка так себе и кровать не такая широченная, зато окно на улицу... – говорил он, войдя в парадную и поднимаясь по лестнице.

Я поднимался за ним вслед.

– Квартира тоже на третьем этаже, правда, не отдельная – еще жилыцы есть, но все спокойные, будьте нате, приставать никто не будет... Тихо! Замри!

Провожатый вдруг остановился на лестничной площадке, прислушиваясь. Я по инерции сделал еще шаг.

– Замри! – прошипел комнатосдатчик, повернувшись ко мне вполоборота и положив конец трости мне на плечо.

Он глядел на меня с такой ненавистью, что мне сделалось нехорошо и захотелось уйти поскорее, навсегда. Откуда-то издали до моих ушей донесся то ли стон, то ли вой... Но я не был уверен, что это мне не послышалось под жутким взглядом моего нового знакомого.

– Кстати, мы еще и не знакомы, – сказал он, неожиданно переменившись лицом в лучшую сторону, снял трость с моего плеча и протянул руку. – Казимир Платоныч Эсс-тер-лис.

Свою странную фамилию он произнес по слогам с тем, чтобы я усвоил и запомнил ее получше.

– Очень приятно, а меня Николай, – сказал я, пожимая руку.

– Очень хорошо, Николай. Вот и наша дверь, – Казимир Платоныч зашарил по карманам, доставая всякую карманную мелочь. – Ну так и есть, выскочил и ключи забыл... Звонить придется, – сказал он как-то неуверенно.

Он долго вдавливал кнопку звонка. Наконец за дверью послышался лязг замка, и дверь слегка приоткрылась.

– Это я – Казимир Платоныч! Не бейте, Марфа Семеновна! Я с новым жильцом! – прокричал Казимир Платоныч в щель и только после этого осторожно потянул за ручку. Дверь открылась, но на пороге никого не было. – Не бейте, это я с новым жильцом! – опять в темноту прихожей крикнул Казимир Платоныч. – Заходите, не бойтесь, – кивнул он мне и улыбнулся.

Я вошел в пустую темную прихожую и остановился, не зная, куда идти дальше. Немного задержавшись на лестнице, вошел и Казимир Платоныч.

– Вот и Марфа Семеновна, познакомьтесь, – сказал он, включая свет и закрывая дверь на лестницу.

У стены возле двери оказалась притаившаяся старушка с железным ломом наперевес, в красной мотоциклетной каске на голове, за поясом у нее был ржавый зазубренный серп. Она стояла, глядя на меня не мигая.

– Вот, запомните этого молодого человека. Он у нас жить тоже теперь будет. А это Марфа Семеновна, по возрасту ровесница революции – женщина героическая, гроза воров-домушников.

Старушка все так же, ни разу не моргнув, смотрела прямо на меня. Казимир Платоныч сделал к ней шаг, помахал перед глазами рукой, потом отогнул нижнее веко сначала у одного, затем у другого глаза и постучал костяшками пальцев по каске. Старушка встрепенулась и молча, ни на кого не поглядев, прошла мимо нас в другой конец прихожей и исчезла за дверью.

– Если в звонок звонишь – будь осторожен, входи с оглядкой, а то получишь по лбу ломом. Она так одного вора поймала, а он во всесоюзном розыске... Беднягу еле откачали в больнице. Вот и комната, смотри сам.

Достав из-за плинтуса ключ, Казимир Платоныч открыл замок и, отворив дверь, пропустил меня вперед.

Комната была очень мала и редкой формы: с расширением от двери к окну. По левой стороне стояли кровать, тумбочка и кресло, по правой – письменный стол и черное пианино. Между всем этим оставался узенький проход. Словом, не разгуляться.

– Пианино не играет. Так, для мебели стоит, – сказал Казимир Платоныч. – Зато все остальное исправно.

– По-моему, хорошая комната. Мне подходит, – сказал я, обрадовавшись письменному столу с настольной лампой, за которым мне суждено было продолжить работу над романом.

Мы обговорили цену, я заплатил за месяц вперед и, наконец, оставшись один, достал из сумки полотенце, мыло и пошел искать ванную.

В прихожей уже никого не было, на стене рядом с моей дверью висело что-то, тщательно прикрытое материей. Подумав, что это картина, я из любопытства отогнул край тряпки и увидел худое лицо с ввалившимися глазами, непричесанной головой... Я не сразу признал унылую физиономию, глядящую на меня с интересом.

– Господи! Это ж зеркало, – я отпрянул, прикрыв отражение. – Чего это они зеркало-то завесили?..

После умывания я снова отогнул материю на зеркале и снова полюбовался своей внешностью. Огорчившись, вошел в комнату, разделся и лег спать. Ведь за сегодняшнюю ночь, проведенную у сверхсексуальной дамы, выспаться мне не удалось.

Снилось мне что-то нехорошее. Во сне я метался и, кажется, даже кричал, но сна не запомнил.

Проснулся я около трех часов дня, одолеваемый мухами, резвившимися на моем лице и руках. Утром я не заметил, что в комнате их проживало такое количество. Одичав без человеческого тепла, они ползали по мне взад-вперед, спаривались и вели себя неприлично. Я нашел в углу мухобойку и около получаса казнил их на стенах и мебели. Умаявшись от смертоубийства, я оделся и, собираясь обследовать квартиру, приоткрыл дверь. Откуда-то, должно быть, из кухни, до меня донесся женский голос. Я повременил выходить, оставшись у щели.

– Я не могу больше! Заманало!.. – кричала женщина со скандальными интонациями в голосе.

– Бу-бу-бу-бу... – ей в ответ низкий мужской голос. Слов я никак не мог разобрать, хотя и вслушивался изо всех сил; вероятно, он и старался говорить тихо, так, чтобы кроме женщины его никто не слышал.

– Ни разу больше не спляшу! Ни единого! За вашу поганую комнату!..

– Бу-бу-бу...

– Плевала я на ваших покойников! Сами перед ними пляшите!

– Бу-бу-бу-бу-бу...

– Что?!! Это я-то?!! Ты сам козел старый!! Это я?!!

Зазвенело стекло.

– Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...

Открылась дверь и из кухни вышел с виду сильно рассерженный Казимир Платоныч. Я отпрянул в глубь комнаты.

– Никогда больше перед твоими погаными мертвяками плясать под твою дудочку не стану! Козел старый!!

Петли снова скрипнули, и женский голос уже в прихожей произнес несколько нецензурных выражений, потом где-то демонстративно закрылась дверь.

Когда все стихло, я вышел из комнаты.

Из просторной прихожей с четырьмя дверями небольшой коридор вел к туалету и ванной. В кухне никого не было. Я зашел и огляделся: по стенам стояли пять кухонных столов, с лампочки без плафона свисала мухоловная лента, вся заклеенная мухами, так что на ней живого места не осталось. Я выглянул в окно. Окно выходило во двор. По двору, не пропуская ни одного сантиметра отделенного ей ЖЭКом пространства планеты, продвигалась дворничиха с лохматой метлой и мела, и мела... а идиот вокруг нее и топал, и топал...

– Привет.

Я повернулся к двери. В кухню вошла девица лет двадцати пяти. Я сразу узнал ее голос, это она минуту назад скандалила с Казимиром Платонычем.

– Ты чего, наш новый сосед?

Лицо у нее было сильно накрашено, футболка, под которой бюстгалтера не имелось, обтягивала стоячую грудь третьего номера. Но самым замечательным в ней были ноги: длинные, полные и, если кривоватые, то только самую привлекательную малость. Она знала своим ногам цену, и прятать их от чужих глаз не намеревалась. Кожаная юбка на ней являлась чисто символическим украшением.

"Ух ты, черт!" – подумал я, лихорадочно домысливая прикрытые одеждой части ее тела.

– Ты чего молчишь-то? Языка нет? – спросила она, подойдя к столу и выдвинув ящик.

– Я и не молчу, – сказал я, дыша с трудом. – А ты что, тоже в этой квартире живешь?

Она кивнула и, закулив сигарету, оперлась рукой о стол.

– Тогда мы, может, вечером встретимся? – предложил я, присев на подоконник. – Бутылочку винца выпьем, поговорим... Меня Николаем зовут.

– Меня Леной. А ты чего, у Марии Петровны ночь переспал?

– У какой Марии Петровны?.. Ах да! Еле отбил, ей такой мужик нужен... Или лучше рота...

– А ты что, слабак? – ухмыльнулась Леночка, пальчиком стряхивая пепел в раковину.

– А вот заходи сегодня вечером, сама посмотришь... – Я снова мысленно освободил ее от одежды... "Мать честная!!" – Придешь?

– Если ты Марию Петровну не удовлетворишь, нам с тобой делать тогда не фиг.

– Таковую даму удовлетворить... У нее, наверное, бешенство матки...

– Какое там бешенство, – махнула рукой Леночка. – Нужны ей мужики как рыбке зонтик. У нее климакс давно все желания истребил. Деньги она делает, неужто неясно.

– Как это деньги? Каким образом?

Леночка сморщила свой курносый носик от попавшего в него дыма и снова стряхнула пепел в раковину.

– Вот ты ей за сколько месяцев вперед заплатил?

– За полтора.

– А деньги свои при переезде назад забрал?

– Да ну ее, черт с ними с деньгами. Как вспомню ее тело...

– Ну, вот так и делает. Никто обычно не забирает, так что она за ночь не меньше любой валютной пуганы денежки имеет и СПИДа не подхватит. А сожитель – Федька – пьет, гад, на эти деньги, женским трудом заработанные... Всегда так – женщина зарабатывает, а мужики... – Леночка тяжело вздохнула, подумав о чем-то грустном. – У них все продумано. В то время, пока Мария Петровна обольщает, он в другой комнате сидит, и если клиент строптивый бить ее начинает, или извращенец какой соблазнится телом старушечьим, тут Федька вваливается и по башке его, по башке... Так что клиент потом без штанов драпалает. А тебе я за деньгами приходить не советую, Федька тебе по башке настучит – он мужик горячий. Очень не любит, когда кто-то за деньгами приходит. И поедешь ты в дом с голубой каемочкой...

– Да ладно, не пойду. Так как насчет вечера?

– Занята я сегодня. И потом ты, Ссусик, чувак, видно, нищий. Я с такими не трахаюсь...

Леночка затушила бычок о раковину, швырнула в помойное ведро и пошла из кухни, качая бедрами. Я торопливо, пока она не скрылась, мысленно срывал с нее футболку, юбку... "Эх, мать честная!!!"

Встал. Засунул руку в карман.

"Точно, затащу ее к себе", – твердо решил я, поглядев в окно. За окном монотонно шаркала метлой по асфальту дворничиха.

Когда я выходил из кухни, навстречу мне попала старушка в каске.

– Здравствуйте, – сказал я, но она не ответила. В каске ей, наверное, слышно ни черта не было.

Я решил пойти куда-нибудь пообедать и, закрыв комнату на ключ, вышел во двор. Настроение мое было чудесным. Вопрос с женским полом я считал урегулированным, а ночью можно было продолжить писание романа. В голове кружились образы один другого слаще. Сначала Леночку приголублю, а потом роман писать сяду. Во дворе от группы детей отделился негртенок и подбежал ко мне.

– Здорово, Джорж, – сказал я. – Как дела?

– Вы все-таки сняли у человека с бамбуковой палкой, – вместо приветствия сказал он. – Я же вас предупреждал.

– Точно, кажется, припоминаю что-то. Забыл я, – я потер лоб. – Извини, но мне ведь тоже жить где-то нужно.

– Мне-то что, вам же хуже.

Он повернулся и побежал к ребятам.

– погоди! Почему хуже? Почему хуже-то?!

Но он не обернулся.

"Странно. Все это странно", – думал я, шагая по улице. В душу ко мне пробралась тревога. Какова была ее причина, я еще не вполне понимал. Но тревога эта испортила мое замечательное настроение.

– Это ты, Коленька!

Передо мной стояла Мария Петровна, в руке она держала хозяйственную сумку, из которой выглядывал край надкусанного батона. Сейчас, на улице, это была вполне почтенная женщина, обремененная социалистическими заботами о пропитании себя и своих близких, и мне уже трудно было представить, что это она без церемоний ломилась ко мне ночью, кричала и была дурным голосом.

– Чего же ты переехал?

– Да вот, переехал как-то... – смутился я.

– А зря, не то место у Казимира Платоныча, где жить человеку можно. Из этого места обычно злой карлик в дом с голубой каемочкой тащит, – она сделала два шага ко мне, я отступил. – Захочешь – приходи, – она сделала еще шаг.

И тут я почувствовал, что спина моя во что-то уперлась. Воспользовавшись этим, Мария Петровна, оглянувшись по сторонам, обхватила меня за талию и опять, как ночью, прижалась ко мне всем своим мягким, обильным телом. – Приходи... – страстно прошептала она мне на ухо.

Я заерзал, пытаюсь выкрутиться. Она снова оглянулась и, оставив меня обессиленного возле водосточной трубы, пошла по своим делам. Но, сделав несколько шагов, остановилась, обернулась ко мне.

– Смотри, из того помещения только в дом с голубой каемочкой. Карлик-душегуб на плечо вскинет...

Дальше я слушать не стал и ушел.

Эта встреча совсем испортила мое настроение. Без аппетита пообедав в первой попавшейся на моем пути пельменной, я сел в метро и поехал в одно захудалое издательство, в котором собирались напечатать мою повесть. Я хотел выклянчить у них причитающийся мне аванс. Но там мне сказали, что сегодня у них денег нет, но на днях непременно появятся, и с улыбкой предложили заходить. Тогда я поехал в другое издательство, где вышел мой рассказ ужасов, но с тем же успехом. Больше денег взять было неоткуда, а оставшихся десяти рублей на жизнь, конечно, не хватит. Я, было, сгоряча решил сходить к Марии Петровне и забрать уплаченные за полтора месяца вперед деньги, но, вспомнив ее тело, передумал. Да пускай хоть подавится этими деньгами!

Я заходил во все попадающиеся по дороге винные магазины, но нигде не встретил ничего алкогольного. Потолкавшись в гурьбе примагазинных алкашей, я выяснил, что "привоз, если и будет, то вряд ли, а если у спекулянтов брать, то можно". Но цена меня не устроила. Так что соблазнять Леночку кроме своего естества оказалось нечем. И я в печальном расположении духа поехал домой. По пути в метрополитене я вспомнил негритенка Джоржа и Казимира Платоныча... Что имел в виду негритенок? Хотя, конечно, Эстерлис тип довольно шизовый. И эта его выходка на лестнице, которой утром я, (будучи в чувствах взъерошенных) значения не придавал, какие-то покойники, о которых все говорят, карлик-душегуб... Конечно, все это способно было насторожить и напугать кого угодно...

Домой я приехал около восьми часов вечера, зайдя перед этим в магазин за хлебом и молоком.

В очереди за молоком я глядел в огромное окно на улицу и размышлял о Леночке. Мимо магазина, опираясь на косу, устало проковылял где-то уже виденный мною мужчина. "Без бутылки, конечно, туговато придется. Но ничего, у меня имеется изрядный козырь попривлекательнее бутылки". Стоя в очереди за молоком, я думал о козыре с любовью. Конечно, это был мой роман, которым можно было соблазнить хоть сотню, хоть две сотни баб. "Ну, подумаешь, переспит она с каким-нибудь банщиком, с мясником, с кем еще... ну и что останется? А тут она вступит в связь не просто с мужиком – с писателем! Это воспоминание ей на всю жизнь. Она сможет гордо нести свое тело по улицам. Приобщение к вечности – вот что возвышает человека. Хотя б мизинчиком коснуться, хотя б просто мимо пройти, а уж в постель к романисту... Отметина на внешность, на всю жизнь... Я, к примеру, встретил как-то на улице Хиля в сосиску пьяного, мимо него прошел. Он меня и не заметил, и в сторону-то мою не посмотрел, а я чуть не обалдел. Всем рассказывал потом, и до сего дня помню. А это когда было!"

Стоя в очереди, я и сам возвысился в своих глазах и даже загордился чем-то (как будто это я в постель к романисту собирался). Но гордость моя быстро улетучилась, потому что молоко передо мной кончилось. Тогда я взял бутылку простокваши.

Когда я выходил из молочного магазина, в дверях на меня налетела откуда-то вынырнувшая крохотная, как ребенок, старушка. Впопыхах она с такой силой ткнула мне кулаком в живот, что мне стало нехорошо. Вбежав в магазин, она, дыша с переборами, оглядела присутствующих, пробормотала что-то ругательное и торопливо вышла на улицу.

– У-у, карга! – запоздало выругался я.

– Молодой человек! Эй, молодой человек! – меня догнал невысокий очкастый гражданин тщедушного телосложения.

Он остановился возле меня, переминаясь с ноги на ногу.

– Видите ли, я, конечно, не все понял, я еще не достаточно язык знаю. Меня кое-что просили вам передать, – начал он смущенно. – Японский, знаете ли, такой сложный язык.

– Я что-то не очень понимаю, – проговорил я.

– Да я сам не очень понял, – мужчина оглянулся. – Тут в каком-то квадрате дело.

– Что?! В каком квадрате? – удивился я.

– Ну, вы же в квадрате живете? Ну вот, – продолжал он. – В нем все и дело. Там есть какой-то человек, который их интересуется, и они не пожалеют никаких денег. Понимаете, чтобы заполучить этого человека. А тут еще какая-то священная старуха...

– Подождите, – остановил я очкарика. – Какой человек, какая старуха? Кто денег не пожалеет?..

– Японцы, японцы денег не пожалеют, – пуча на меня близорукие глазенки, сказал тип. – А человека, который их интересуется, они сами не знают. Знают только, что живет он в квадрате. Они сказали, что денег не пожалеют.

Тщедушный очкарик повернулся и торопливо зашагал по улице. Я посмотрел ему вслед, пожал плечами и пошел домой, так ничего и не поняв.

Открыв комнату и оставив на письменном столе купленные продукты, я включил настольную лампу, причесался и, увидев на облезлом циферблате будильника, что уже восемь часов, отправился искать Леночку. Я очень сожалел о том, что не сообразил спросить, в какой из комнат обширной квартиры она живет.

В кухне, куда я для начала заглянул, было темно. Я постучал в первую попавшуюся дверь, но ответа не последовало. Для верности постучав туда еще несколько раз с тем же результатом, я дернул за ручку и, поняв, что дверь заперта, перешел к соседней. Эти две двери располагались в маленьком коридорчике напротив кухни. Из-за второй слышалась тихая музыка. Я не стал прислушиваться, а постучал, но мне снова никто не ответил. Чувствуя жизнь за дверью, я, проявив настойчивость, забарабанил кулаком.

– Кто там? Я занят! Занят!! – донесся раздраженный голос Казимира Платоныча.

Я отпрянул, поняв, что ошибся дверью; на память тут же пришло его злующее лицо, которым он напугал меня на лестнице.

– Вот, не везет. Старуха, падла, делась куда-то... И спросить-то не у кого... – бормотал я огорченно. Подошел к другой двери и постучал, потом дернул за ручку – заперто. – Вот проклятье. Куда же они все подевались...

Я входил в нездоровый азарт. Подошел к следующей двери, постучал раз, другой, нетерпеливо дернул за ручку. Дверь неожиданно открылась.

Комната была узкая и длинная, к окну она плавно расширялась, как гроб. У левой стены стояла кровать и тумбочка, у правой – пианино, письменный стол; на столе горела лампа, стояла бутылка простокваши, рядом лежало полбуханки хлеба... Это была моя комната. Сгорая я ворвался в свою комнату и сейчас увидел ее по-новому. И новый ее облик меня не обрадовал, особенно ее гробовая форма. Я тихонько, словно в комнате моей кто-то спал, затворил дверь. Из-за двух оставшихся дверей никто не отозвался. Осталась последняя – на лестницу, но в нее я стучать не стал, а вместо этого пошел в кухню.

Выключатель я нащупал не сразу. Когда зажег свет и вошел в помещение, то увидел, что на табуретке, повернувшись к окну, обхватив руками лом, недвижимо сидит старуха в каске.

– Простите, пожалуйста, – стараясь припомнить ее имя-отчество, обратился я к старухе. – Марфа... Марфа Семеновна. Я что-то забыл, в какой комнате Лена живет.

Старуха не обращала на меня внимания, продолжая глядеть во двор. Было в ее позе что-то окаменелое, неживое. Мне стало не по себе.

– Бабушка! – позвал я снова. – Где Лена живет? Старуха не подавала признаков жизни. Я наклонился, заглянул ей в лицо.

– Бабушка! Ба-бу-шка!! – звал я, заподозрив неладное. Старуха неожиданно резко и чересчур пружинисто для своего возраста встала на ноги. Я инстинктивно отпрянул назад, чтобы, вставая, она не разбила мне лицо; она вскинула лом на плечо, словно солдат винтовку, и вышла из кухни вон, закрыв за собой дверь.

По сумеречному двору, монотонно шаркая мохнатой метлой, продвигалась дворничиха, вокруг нее строевым шагом маршировал debil: "Ать-два, ать-два, ать..."

Когда я выходил из кухни, одна из дверей отворилась. Эстерлис выглянул в коридор, но, увидев меня, как мне показалось, испугался и резко с грохотом закрылся. Но через мгновение вышел в прихожую.

– Здравствуйте, – сказал я машинально и только тогда посмотрел на комнатосдатчика внимательнее. Казимир Платоныч был явно не в себе: рукава рубашки засучены, лицо красное и потное, глаза горят возбуждением. Не сказав мне ни слова, он почти бегом бросился в кухню, не зажигая света, схватил там что-то блестящее (то ли ложку, то ли нож – толком разглядеть я не успел) и так же бегом ринулся обратно в комнату. Изнутри заскрежетал ключ, замок защелкнулся.

– Черт знает что такое, – пробурчал я. – Странные все какие-то.

Войдя в комнату, я снова, уже второй раз за сегодняшний день, вспомнил предупреждение негритенка Джоржа; и опять посетила меня смутная тревога и чувство близкой опасности. Я на всякий случай закрыл дверь на ключ, уселся за стол и достал папку с начатым романом...

Глава 6

Утром в пять часов тридцать минут в дверь позвонили.

Владимир Иванович, отреагировав только на третий звонок, встал, надел халат и, про себя поругиваясь, пошел открывать.

– Дорогой мой! Я – низкий человек – не дал тебе доспать! – в прихожую ворвался Собиратель. – Ну ничего, не долго уже ждать осталось, на том свете отоспишься... Ха-ха-ха...

– Опять что-нибудь, отслужившее свой век, раздобыл? – зевая, спросил Владимир Иванович, направляясь в комнату.

– Раздобыл! Раздобыл! Ты погляди только! – воскликнул за его спиной Собиратель.

Они вошли в комнату, и Владимир Иванович взял протянутую ему монету.

– Что-нибудь ценное? – поинтересовался он, вертя монету в руке.

– Конечно, дорогой друг. Я, наконец, собрал свою коллекцию. Теперь у меня есть все золотые монеты всемирного обращения... Ты что-то сегодня бледненький, как покойник прямо...

– Послушай, мне надоели твои склепные шуточки, – огорчился Владимир Иванович.

– Ну не буду, не буду, не сердись только...

– Что это, по-турецки, что ли, написано? – перебил Владимир Иванович.

– Это персидский. Томан персидский. Сколько же я за ним гонялся!.. Я уже надежду потерял всякую – и турецкий кошелек достал и даже двадцать хайкуан-таэаей китайских раздобыл, а томана нет ни у кого.

– Теперь ты поаккуратнее, в дверь чужих не впускай. А то, знаешь, сколько сейчас...

Про чужих Владимир Иванович сказал так просто. Собиратель чужих и не пускал. С виду был он худ, абсолютно лыс и без своих круглых очечков ничего не видел. Все спекулянты с марочно-монетного толчка звали его не по отчеству, а по фамилии -Собиратель, и он не обижался, а вдруг услышав в каком-нибудь казенном доме свое имя-отчество, откликался не всегда. В комнате его не сыскать было (кроме, конечно, одежды) вещей современного происхождения. Все они были в основном прошлые века, вида музейного и из материалов натуральных, смастеренные в то время, когда еще не додумались до прессованной стружки и прочих заменителей.

А еще имелось у Собирателя чувство юмора, острота которого смешила, правда, только его одного, а остальных ввергала в меланхолию. Остроумие его было направлено на тему вовсе не смешную, а скорее даже на скорбную – тему смерти. Эта тема с детства смешила его, и зрелищ веселее, чем похороны, он не представлял. Каждую неделю он инкогнито посещал кладбища и, затесавшись в толпу похоронной процессии, следя за обрядом погребения, в душе хохотал как умалишенный.

Рассмотрев монету, Владимир Иванович протянул ее Собирателю и зевнул, прикрыв рот ладонью. Вдруг в прихожей что-то обрушилось.

– Ать-два, левой! Ать-два, левой!.. – кто-то отчаянно затопал ногами, затянул солдатскую песню "Не плачь, девчонка", но тут же на полуслове оборвал, опять затянул, входная дверь хлопнула и продолжения стало не слышно.

Насторожившийся было Собиратель, когда шум в прихожей стих, вздохнул, погладил свою лысую голову, достал из внутреннего кармана пиджака шариковую ручку и протянул Владимиру Ивановичу.

– Тебе, подарок. На похоронах директора магазина мужик какой-то обронил.

– О! Хорошая работа, – сказал Владимир Иванович, разглядывая узор на ручке. –Кстати, ты знаешь, что эти ручки на зоне делают из носков. Расплетают носки обыкновенные, нитки накручивают на бумажный стержень. Работа очень трудоемкая -каждая ручка уникальна...

– Пойду я спать. Я ведь сегодня не ложился еще. Извини за ранний визит. Утерпеть не мог... Это ж томан!..

Проводив Собирателя, Владимир Иванович пошел к себе, имея в мыслях доспать. Пробужденный своим товарищем он чувствовал сейчас разбитость в теле.

Входная дверь вдруг открылась и прямо на Владимира Ивановича, интенсивно маша руками и высоко, по-военному, в строевом шаге поднимая ноги в ботинках, буцал по паркету Ленинец-Ваня. Хотя и жил с ним Владимир Иванович в одной квартире уже много лет, но всегда появление его было неожиданным и почему-то пугало, как если бы он встретил вдруг снежного человека или инопланетянина, и не из-за физического его недостатка, а из-за исходящей от него убежденности в чем-то.

Был Ленинец-Ваня убогий умом тронутый с детства человек – тридцати лет отроду, но на возраст не выглядел, ввиду выраженного на лице умственного недоразвития. Жил он на свою пенсию, на мамину дворницкую зарплату и пользовался всеми льготами инвалида детства. Говорил Ваня с трудом, медленно, но знал и разбирал буквы. Всю жизнь он мечтал о службе в вооруженных силах, покупал, где приходилось военную символику и даже выучил строевой шаг и, вставив в шапку кокарду, браво маршировал по двору, иногда по квартире... Но тетя Катя (мать Вани) его за это ругала – много шуму. И если мечта о службе в Советской армии с годами жизни Вани и с мировым всеобщим разоружением потускнела и пришла в негодность, то жизнь Вани не опустела и смысла не утратила, потому что была еще одна мечта не менее сильная, чем окоченеть по команде "смирно" в едином строю. Была эта мечта о вступлении в коммунистическую партию. Лет десять назад из горкома, куда он пришел проситься в партию, его прогнали, аргументировав отказ устно:

– Только идиотов нам еще не хватало!

Ваня не обиделся, а на десять лет ушел в подполье. А недавно, пользуясь нагрянувшей демократией, снова отнес документы в горком.

На стене в его комнате все свидетельствовало об одобрении партии и правительства, живым доказательством этому были плакаты, украденные Ваней с какого-то стенда и как получилось прибитые к стене: "Идеи Ленина живут и побеждают", "Партия – ум, честь и совесть" и другие... Так что комната Вани походила на первомайскую демонстрацию. Эти плакаты вдохновляли Ваню, и он искренне ждал, ждал светлого будущего. С годами кумач плакатов поблек и выгорел, да и Ваня, зная наизусть их внутреннее содержание, уже их не читал. А в них и за ними беспечно существовали и множились кровососные клопьиные семьи.

Всю свою сознательную жизнь Ваня посвятил чтению одной книги и очень гордился тем, что читал ее. Был это том из собрания ленинских сочинений под номером восемь. Каждый вечер Ваня садился к столу и, водя по строчкам пальцем, вслух разбирал буквы. Разобрав несколько строк, смысла не ища, он закрывал книгу и рассматривал профиль вождя на обложке, который был ему понятнее, чем текст; а текст тома был бредом, полной белибердой и филькиной грамотой – смысла никакого не нес, а являлся высшим смыслом сам по себе.

Эти чтения одухотворяли дебильного Ваню, и считал он себя ленинцем. И даже если приходилось представляться кому-нибудь, то он так и объявлялся: Ленинец-Ваня. Все его так и звали.

Пролежав без сна около получаса, Владимир Иванович надумал встать. Будильник, если не врал, показывал шесть часов утра. Владимир Иванович решил больше не спать, позавтракать, а там видно будет. Дел на сегодняшний день он себе не сочинил, потому был нетороплив. Медленно одевшись, он приотворил дверь, но не до конца, потому что увидел через щель, как дверь в комнату Валентина открылась, и оттуда, пугливо озирая темный коридор, вышел молодой человек в кожаном пиджаке; за ним в щели показалась заспанная физиономия Валентина, он послал вслед молодому человеку беззвучный воздушный поцелуй и после этого

закрылся. Незамеченный Владимир Иванович про себя обозвал их козлами и, дождавшись тишины в коридоре, пошел в кухню готовить завтрак.

На табуретке возле двери, прикинув ухом к репродуктору, сидел Ленинец-Ваня и вслушивался в шелканье метронома.

Владимир Иванович поставил чайник и стал жарить яичницу.

Каждодневно за пятнадцать минут до шести часов, прервав строевой шаг на дворе-вом плацу, Ленинец-Ваня возвращался домой и примыкал ухом к репродуктору. Его любимой песней был гимн Советского Союза, в котором пелось и о Союзе нерушимом республик свободных, и о силе народной, которая ведет к торжеству коммунизма, и еще о многом... Ленинец-Ваня внимал одухотворенному пению восторженного хора и подпевал тихонько, приобщаясь к коллективному единообразию. Видя в будущем коммунизме не только всех людей одинаково счастливыми, внешне похожими на него, но и даже однополыми.

С перестройкой гимн петь отменили, а оставили только музыку. Но записанный в вани-ной памяти хор для него петь продолжал, и он даже не заметил того, что слова о коммунизме и силе народной исчезли из гимна, а остались, продолжая торжествовать, только в его идиотской голове.

Владимир Иванович бросил взгляд на напряженное ванино лицо. Грянул гимн, и Ваня запел в хоре. Из правого глаза выкатилась слезинка и зависла на кончике носа.

Владимир Иванович уселся за свой стол возле окна и приступил к завтраку. В окно вид-нелся асфальт двора и стена дома. Внизу в сереньком ватнике и пуховом платке мела асфальт тетя Катя. Каждый день без выходных, начиная с 530 утра, широко расставив крепкие ноги, ритмично взмахивая метлой, не зная устали, она мела асфальт двора до вечера; и так же до вечера вокруг нее маршировал ее единственный и бесспорно любимый сын Ленинец-Ваня, отлучавшийся в одиночку только заслушать гимн да по нужде. Тетя Катя же в рабочее время нужду не справляла – терпела до обеда.

И сейчас, дослушав гимн до самого конца и удовлетворившись обещанным счастьем, Ленинец-Ваня поставил репродуктор на подоконник, выпрямился по стойке "смирно" и вдруг во весь голос грянул строевую песню "Не плачь, девчонка" так зычно и неожиданно, что у Вла-димира Ивановича выпала из руки вилка с куском яичницы. Строевым шагом, отдавая в про-странство честь, Ленинец-Ваня вышел из кухни.

Через минуту он присоединился к матери, отчаянно лупя вокруг нее по асфальту ногами, иногда выкрикивая песню.

Тетя Катя сильно выдавалась из коллектива ленивых, горластых жэковских дворничих, и переходящий вымпел, учрежденный ЖЭКом, вот уже пятнадцать лет ни к кому не пере-ходил. Принадлежавшая в прошлом к многочисленной армии строителей коммунизма, она неумоимо строила его мохнатой метлой и ведрами, полными пищевых отходов. И хотя с пере-стройкой всякое строительство было признано вредным и отменено, тетя Катя не кинулась в кооперативное движение, а осталась строить коммунизм одна. С каждым взмахом метлы она неосознанно приближалась по выметенному пути к светлому будущему, и рассвет коммунизма уже брезжил для нее за стеной дома на горизонте, но она этого не видела, а мела, мела, мела...

Зимой тетю Катю можно было увидеть во дворе с ломом или лопатой... Японские двор-ники, приехавшие делегацией делиться опытом, были направлены к "лучшей по профессии" и поначалу недоуменно, как-то не по-японски, пожимали плечами и удивлялись через перевод-чицу. Но потом какой-то догадливый дворник-японец прибором, привезенным с собой, изме-рил качество вымета... И все ахнули. Качество превосходило все мыслимые нормы – там не только не нашлось микрочастиц пыли, но даже не жили микробы. До такой чистоты вымета компьютерной японской технике было далеко.

Целый день до вечера, отменив поездки в музей-квартиру Ленина, на крейсер "Аврора" и в музей революции, по двору за тетей Катей на четвереньках ползали одуревшие от восхи-

щения японские дворники, оглашая двор радостными воплями; и обитатели дома, до вечера не отходившие от окон, недоумевали.

А один впечатлительный японец перед отъездом, не переставая кланяться, умолял оставить его у тети Кати в учениках, обещая платить за учение валютой, но его не оставили: побоялись, что он выведает военную тайну. Тогда он вымолил сработанную, негодную метлу, и прижимал ее, и плакал от счастья.

Прощаясь, делегаты сфотографировали передовицу, обещали переломать всю свою грязеуборочную технику и подарили тете Кате прибор с длинным японским названием, а говоря проще, гряземер.

После посещения делегации иностранцев помнили во дворе еще долго. И даже ходили по двору слухи, что тетю Катю, дескать, кто-то хотел выкрасть, но почему-то не выкрал. Но сама тетя Катя об этом помалкивала.

Позавтракав, Владимир Иванович сел за работу. Но сегодня работа шла плохо – по утрам Владимиру Ивановичу требовались огромные усилия, чтобы сосредоточиться. Поэтому через час он утомился, прилег на софу отдохнуть и непроизвольно уснул.

Глава 7

Труп стерег этого человека полгода, пришлось выучить множество названий монет, марок и прочей белиберды. Загримировавшись, каждый выходной день он посещал марочно-монетный толчок, приценивался к монеткам, а заодно намечал будущую жертву разбойного нападения. Поначалу глаза разбегались – толчок посещало немало безбедных людей. Но не у каждого имелось то, что было нужно Трупу. Наконец ему повезло.

Хорошенько выспавшись перед ночной сменой, Труп проверил комплектность сумки и, как всегда, прокравшись через чердак, спустился по чужой лестнице на улицу. План ограбления был упорядочен у него в голове, но не укладывался в жесткие статичные формы. В основном все ограбления его рождались по вдохновению, порой даже его удивляя неожиданностью и оригинальностью решения. Но в этом деле на первый взгляд все было просто.

Нужный Трупу переулок освещался только одним фонарем и был безлюден. В холодную, ветреную ночь (особенно, когда московское время показывало три часа ночи) мало у кого имела охота выбираться на улицу, разве что какому бандиту за противозаконным заработком.

Остановившись под фонарем. Труп посмотрел на нужное ему освещенное изнутри окно.

Из-за странной планировки дома человек, который был нужен Трупу, жил на другой улице, а в эту улочку у него выходили окна.

План Труса был прост. Поднявшись по пожарной лестнице до идущего вокруг дома карниза. Труп преспокойно подбирался по нему напрямик к окну ограбляемого и... Оставить после ограбления свидетеля, способного признать его в лицо, Труп не боялся. Тому была серьезная причина: Труп знал то, чего не знали другие разбойники. Тогда, перед лютой смертью на зоне, Парамон успел передать ему свой секрет...

В переулок свет поступал только с тусклого фонарного столба, из парадных да с двух перпендикулярных проспектов; небо было плотно зашторено облаками, так что видно кругом было очень неясно. Труп символически поплевал на ладони в презервативах. После ограбления бани он купил их целую коробку и дома, набив полный ящик письменного стола, твердо решил, что все грабежи и разбойные нападения будет совершать только в презервативах.

В темноте Труп на ощупь благополучно добрался по лестнице до второго этажа. Нужный ему карниз подходил прямо к лестнице, и он, удовлетворенный и довольный, без сомнений и угрызений совести вступил на скользкий путь.

Карниз оказался шатким, удерживающимся за стену непрочной.

Труп, прильнувший всем телом к штукатурке стены, поглядел вниз. Видно было хотя и плохо, но становилось ясно, что при падении на асфальт Труп не поправится. Он для смелости плюнул туда и тихонечко, с осторожностью, все плотнее прижимаясь к стене, стал продвигаться по направлению к нужному ему окну. Карниз скрипел, хлопало железо. Сначала Труп вздрагивал от неожиданных звуков, но потом свыкся и даже перестал бояться ждущего внизу асфальта.

Добравшись до первого на его пути окна, Труп вцепился замерзшими пальцами в раму; в презервативах пальцы хоть и были чувствительными, но мерзли. Передохнув, двинулся дальше. Второе окно было недалеке от первого и зашторено изнутри подобными занавесками, у него Труп не стал задерживаться, а двинулся дальше. Его тревожила внезапно появившаяся мысль: "А вдруг клиент ляжет спать?"

Конечно, страшным было не то, что он может лечь спать, а то, что перед сном выключит свет. Он как назло забыл пересчитать окна от пожарной лестницы. Приблизительно их было шесть или восемь, но не мешало бы знать поточнее, потому что если клиент выключит свет, окна будут схожи между собой – в темноте все окна черные.

Увлеченный этой безрадостной мыслью, он, утрав бдительность, зашел и тут... Все произошло мгновенно. В тот самый момент, когда он особенно не ждал этого, левая нога вдруг потеряла опору, вероятно, попав на неуспевший высохнуть голубиный помет или на стекло; она неудержимо заскользила к краю и... ощутила под собой пустоту... Труп накренился, зашагил по стене руками, ища хоть какой-нибудь опоры; его утравшее равновесие тело медленно валилось вниз...

Тело, уже подготовившееся и ожидавшее встречи с асфальтом, смирилось, но руки в борьбе за жизнь искали опоры на гладкой стене и нашли, нашли в последний момент. Кому и зачем понадобилось оставлять в стене железный крюк? Вероятно, при капитальном ремонте строители забыли. Но крюк этот спас ничемную, бандитскую жизнь Трупа, по всем законам гравитации обязанного лежать на асфальте в переломанном состоянии смирно.

Прильнув к стене, вжавшись в нее из всех оставшихся сил Труп дышал часто, с хрипом словно только что пробежал кросс. Пальцы руки в судороге сжимали железо спасшего жизнь крюка. Сердце колотилось так громко, что его, если бы не спали, могли слышать жители дома. Мысленно Труп уже проклинал задуманное им опасное мероприятие, но возвращаться или не доводить до конца начатое дело он не умел. Отдышавшись и успокоившись сердечно, он, наконец, сделал над собой усилие, отпустил крюк и двинулся дальше. Теперь уже с предельной осторожностью, на которую только был способен. Труп миновал еще одно темное окно, потом еще... На улице хлопнула входная дверь, на время он замер, дамские каблучки процокали в темноте, удаляясь в сторону огней проспекта. Дождавшись тишины, Труп пополз по стене дальше. Теперь уже не отрывая щеки от штукатурки и не стараясь просмотреть дальнейший свой путь, он медленно продвигался к цели.

Вот и нужное окно. На счастье Трупа хозяин комнаты не успел погасить свет. Труп подобрался к окну и, выискивая щель между занавесками, прерывно дыша, стал смотреть внутрь комнаты...

Глава 8

Я поднял голову от листа бумаги, потянулся. Если не врал будильник с облезлым циферблатом, было два часа ночи. Где-то далеко, не на этой и, может быть, даже не на соседней улице, бибикнул автомобиль.

Некоторое время я сидел, глядя в стол. Чувствовал я внутреннее неудобство, смутную тревогу; она холодным противным блином легла между лопаток. Мне даже сделалось страшно от окружавшей меня тишины и еще от неизвестно откуда взявшегося ощущения того, что сзади кто-то находится. Поначалу я старался избавиться от этого чувства, пытаюсь убедить себя в том, что за моей спиной быть (кроме резвых неутомимых мух и случайно заблудшего из кухни таракана) некому... Но тревога нарастала. И тогда я обернулся...

Комната была пуста.

– Чего-то я утомился, – сказал я, совершенно успокоившись, и уже собирался вновь повернуться к столу, как взгляд мой упал на окно.

За окном кто-то стоял. Между полуприкрытых штор, за стеклом, я увидел бледное человеческое лицо. И человек этот, несомненно, смотрел в комнату – на меня. Из-за уличной темноты я не мог разглядеть его.

– Кто это!! – заорал я в испуге и вскочил. – Кто?!!

Я поискал глазами предмет, способный оказать мне помощь при обороне. На глаза попала какая-то палка, лежавшая рядом со столом. Я схватил ее, бросился к окну, резко отдернул портьеру...

За окном никого не было. Я помотал головой – наваждение. Я же точно видел человеческое лицо: голова круглая, лысая... Странно!

Я почесал в затылке. Ну, конечно, как человек может стоять на уровне третьего этажа, разве что на специальном подъемнике или висеть на веревке... "Конечно, почудилось"... – успокаивал я себя, глядя в окно на улицу и вверх на небо. Но, если это и была галлюцинация, то уж слишком реалистическая. Ведь я совершенно отчетливо видел...

Я стал задерживать занавески и тут обнаружил в руке палку, которую схватил для самообороны. Это была не палка, а трость – бамбуковая трость Казимира Платоныча.

"Господи, а она-то здесь откуда взялась?"

Я поставил трость в угол, плотно, не оставив щели, задернул занавески, подошел к столу и стал складывать бумаги, стараясь не смотреть в сторону окна. Не успел я собрать свои сочинения, как в дверь постучали. Я замер от неожиданности, не имея сил даже поинтересоваться, кому потребовался в такое время суток.

– Коля, – услышал я тихий шепот. – Это я, Казимир Платоныч. Коля, ты не спишь?

– Что вам, Казимир Платоныч? – отозвался я. – Что вы хотите?

– Палочку я у тебя не оставил случайно?

Я подошел к двери и прислонился к щели ухом. Мне было не по себе. Почему-то я не верил ему. Вернее, я не верил тому, что там стоит Казимир Платоныч.

– Какую палку? – спросил я через дверь, прислушиваясь.

– Да мою же, бамбуковую, посмотри хорошенько.

Я включил свет, озираясь на окно, сделал над собой усилие и, преодолевая нарастающий страх, открыл дверь.

На пороге стоял совсем не страшный Казимир Платоныч в майке и спортивных штанах.

– А ты, я вижу, не ложился, – он шагнул в комнату. – А вот и палочка моя, без нее как без рук. Ты не слышал, будто орал кто или почудилось?

Он смотрел на меня, прищутив глаза так, что они, и без того утонувшие в мешках, совсем пропали из виду.

– Не знаю, не слышал, – соврал я, успокоившись и даже обрадовавшись, что Казимир Платоныч пожаловал ко мне в гости.

– А ты пишешь что-нибудь? – он мотнул головой в сторону стола с рукописью, которую я не успел убрать.

– Да пописываю... Детективно-фантастический роман пишу. Да вы присаживайтесь, – предложил я, жутка мне была мысль вновь остаться одному.

Казимир Платоныч подсел к столу и поставил бамбуковую трость между колен.

– Хочу, Николай, с тобой поговорить. Нужен мне помощник в моем деле. Старый я уже стал, бывает покойник...

– У-у-у-у...

Взвыл кто-то на улице злобно и яростно. Казимир Платоныч замер, прислушался.

– Выключи свет, – тихо прошептал он.

Я, не понимая, что так напугало его, не двинулся с места.

– Бы-ст-ро!.. – прошипел он сквозь зубы, с такой ненавистью и злобой глядя мне в глаза, что я уже ни секунды не сомневался в том, что он готов меня сию же секунду задушить.

Я вскочил, выключил свет, так и оставшись стоять у двери; сейчас я снова до панического ужаса боялся комнатосдатчика. Казимир Платоныч медленно поднялся и бесшумно двинулся к окну, об этом я догадался по его темному силуэту на фоне окна. Было ощущение, что он не касается ногами пола – на всем протяжении пути не скрипнула ни одна половица. Я боялся дышать. Но мне все равно чудилось, что от меня исходит очень много шума.

Остановившись, он слегка раздвинул занавески и, прильнув к щели глазом, на некоторое время замер без движения. Мне казалось, что прошло очень много времени, наконец темный силуэт Казимира Платоныча отделился от окна и двинулся в мою сторону. Мне стало страшно этой надвигающейся тени, и я удерживал себя от того, чтобы зажечь свет, и в то же время страшился вновь увидеть эти жесткие глаза. Я чуть не закричал, когда холодная рука коснулась моей щеки.

– Включи настольную лампу, – зашептал он в ухо. – Только тихо...

Я двинулся к письменному столу исполнять приказание. С чудовищным грохотом уронив со стола книгу, ушибив ногу о табурет, я нащупал выключатель настольной лампы. Казимир Платоныч бросился к окну и устранил щель между занавесками.

– Снова покойников машину привезли, – сказал он вполголоса.

– Что?! Каких покойников?! – вздрогнул я. – Что вы такое говорите?! Куда покойников?..

– Надо тебе свечу принести, ее с улицы не видно. Поставишь под стол и нормально, – он уселся на стул и направил свет от лампы в стену. – Присаживайся, – предложил он.

Я опустил на диван.

– А ты что, покойников боишься? – спросил он, проницательно глядя мне в глаза.

– Я?... Нет... – проговорил я, содрогнувшись. – Не боюсь ничуть.

– Ну вот и хорошо. Нужен мне помощник. А если покойников боишься, то в моем деле непригоден. Открою я тебе тайну. Видишь ли...

Но тут на улице кто-то взвыл громко и истошно, я вздрогнул, а Казимир Платоныч стукнул кулаком по выключателю настольной лампы. Свет погас, и мы оказались в темноте.

Я сидел не дыша, крепко зажмурившись и сжавшись от страха, почему-то ожидая удара по голове палкой. Снова на улице что-то взвыло гортанно, было непонятно, то ли кричит человек, то ли сирена... Имелось в голосе этом и живое, человеческое, и в то же время искусственное, придуманное.

У окна скрипнула половица. Я открыл глаза. Казимир Платоныч медленно крался к окну, вдруг резко неожиданно отдернул занавески, с грохотом распахнул створки, не обращая внимания на то, что с подоконника что-то упало, и высунулся на улицу по пояс.

– Иду! Иду!! – закричал он и, чтобы привлечь внимание стоящего внизу человека, зама- хал руками. – Иду! Погоди!!

Прокричав это, Казимир Платоныч бросился к двери, впотьмах натыкаясь на предметы, что-то по пути роняя и вскрикивая. Он выскочил, оставив дверь нараспашку, протопав через прихожую, хлопнул входной дверью, и стало тихо, очень тихо. По комнате от окна к двери прошелся сквозняк: шелохнул на столе листок рукописи; возле уха тоненько завизжал комарик. Несколько секунд проведя в темноте, я, не зажигая лампы, подошел к открытому окну.

По пустынной улице молча двигались два человека. Один высокий, худой с палкой, в котором я узнал Казимира Платоныча. Его товарища я никогда прежде не видел, я был в этом совершенно уверен. Сначала я подумал, что это ребенок, но, приглядевшись хорошенько и сопоставив пропорции его тела, понял, что это карлик у него было большое туловище и кро- хотные кривые ножки. На нем было что-то белое – не то халат, не то плащ.

"Ну и парочка, – подумал я, закрывая окно. – Куда это они на ночь глядя? Действительно, странный Эстерлис человек. Что-то негритенок знает все-таки. Нужно будет этого пацаненка расспросить. Завтра же куплю жвачки. Может, он тогда..."

Перед тем, как сесть за продолжение романа, я решил перекусить. Поискав чашку, но не найдя, отправился в кухню. Было у меня чувство, что я обязательно должен встретить кого-нибудь в темноте, что кто-то там прячется, и было мне от этого страшновато.

Я прокрался через прихожую в кухню, зажег свет... Но, вопреки ожиданиям, в кухне никого не было. Только встревоженные светом мухи зажужжали спросонья, да тараканы шуга- нулись в разные стороны.

Взяв с чьей-то сушилки чашку, я собирался уйти, но меня привлек странный звук, донес- шийся со двора через открытую форточку. Было это похоже на взвизгивание тормоза. Я выгля- нул во двор.

Единственное окно на противоположной стене двора было освещено, занавески расшто- рены. Там я увидел, как большой, бородатый мужчина прыгает через кровать, за ним кидается женщина, в которой я узнал Марию Петровну. Мужчина спотыкается и летит на пол, Мария Петровна обрушивается на него сверху, и они выпадают из поля моего зрения...

В душе я посочувствовал новому комнатосъемщику и пошел к себе пить простоквашу и писать роман.

За письменным столом сидел мужчина в майке, в цветастых трусах и что-то писал. Лысая голова настолько низко склонилась над тетрадь, что он казался уткнувшимся в нее лбом. Окружала его обстановка из вещей не нашего времени: канделябры, статуэтки, хрустальная люстра во тьме потолка, комод с посудой недешевой, словом, было что взять.

Лысый вдруг поднял голову, откинув ее назад, захохотал беззвучно и опять склонился разбирать почерк.

Дыша на стекло, Труп наблюдал жителя комнаты, стараясь оценить и представить для себя его физические, умственные и прочие способности. Ему хотелось знать, как поведет себя клиент в следующую минуту. От этого зависело многое. Есть люди, которых парализует страх, и они делаются безвольными, готовыми на все; но этот лысый тип был Трупу не ясен. Очевид- ным было лишь то, что перед ним человек слабовидящий.

Труп оглянулся в безлюдный мрак переулка, потом еще раз посмотрел на форточку - она была приоткрыта. Дотянуться до нее у Трупа не хватало роста, тогда он в последний раз посмотрел в окно на беспечно веселого гражданина, глубоко вздохнул и подпрыгнул вверх... Вытянутые руки тут же уцепились за край окна, и он повис над улицей.

Труп висел на окне без движения. Он часто упражнялся в этом дома на дверном косяке, о таком положении тела он мог, если бы потребовалось, провисеть остаток ночи. Будучи любо- знательным с детства, Труп с удовольствием впитывал все, что могло пригодиться ему в нелег-

ком воровском деле. Висеть на форточке и протискиваться в узенькое отверстие обучил его знакомый вор-форточник.

Особыми упражнениями Труп довел свое тело до того, что оно без осложнений проникло даже в узкое пространство форточки.

Занавески мешали видеть происходящее в комнате, и он не ведал, чего следует ожидать от жильца, но всегда у него в запасе был неожиданный бросок вперед на противника, молниеносный удар и прорыв к спасительному выходу... Занятия в юности боксом не прошли впустую, и теперь ежедневно он по полчаса молотил "грушу", наработав себе удар нехилый. И сейчас, находясь в подвешенном над улицей состоянии, на него рассчитывал, а еще рассчитывал на слабое зрение "клиента".

Шло время. Внизу проехала машина, напомнив Труп о том, зачем он сюда пришел. Он подтянулся на руках, аккуратно, чтобы не зашуметь, встал одной ногой на карниз и, просунув голову в форточку, заглянул на оконную раму с внутренней стороны – Трупа интересовали шпингалеты. Конечно, он запросто мог, ничуть не зашумев, влезть в форточку, но ленился. Нижний шпингалет оказался незакрытым. Он отворил окно и шагнул на подоконник. В комнате было тихо, только тикали большие часы. Труп стоял на подоконнике, сдерживая дыхание и вслушиваясь. Через некоторое время ему стало казаться, что в комнате безлюдно. Никакого движения, никакого звука, кроме умиротворяющего тиканья часов, не доносилось из-за занавески. Труп медленно, уже будучи почти уверенным, что в комнате нет никого, протянул к занавеске руку, чтобы потихонечку заглянуть в комнату, но тут вдруг грохнуло с такой неожиданной силой, что натянутые нервы Трупа чуть не сорвались. Бухнуло снова, застывший как в столбняке Труп не сразу сообразил, что это бьют часы – и тут же маленький, мерзкий смешок. За занавеской кто-то хихикал гаденько и глумливо.

– Бом!! – в последний четвертый раз ударили часы, но смех не прекратился. На редкость противный, нахальный, издевательский слышался он, как будто не из-за занавески, а отовсюду. Трупу вдруг сделалось стыдно, словно смеялись над ним, словно кто-то невидимый, в подробностях наблюдавший все его путешествие по карнизу, зная свою безнаказанность и видя всю комичность положения Трупа, застывшего в презервативах и нелепой позе на чужом подоконнике, вдруг не удержался и захохотал. Рубашка на спине Трупа промокла от пота, он думал об этом подлом наблюдателе и насмешнике с ненавистью...

Смех неожиданно прервался, зашуршала бумага, и Труп, пришедший в себя, понял, что наблюдать за ним не может никто – иначе преступление и не было бы преступлением. А хихикал близорукий, лысый человек, писавший что-то смешное в толстую тетрадь, и Труп ему сейчас покажет!..

Он отогнул край занавески и заглянул в комнату. Человек все так же сидел за столом и писал, да и в обстановке комнаты ничего не изменилось. Труп, уже не таясь, не сохраняя тишины, прыгнул на пол. Но, к его удивлению, хозяин комнаты не обратил на него ни малейшего внимания, продолжая писать. Труп, своим эффектным появлением ожидавший от хозяина негативных эмоций, стоял сейчас в комнате, как дурак, растерянно глядя на весельчака, снова мелко захохотавшего над своим сочинением. Труп подошел к хохочущему человеку и рукой в презервативе похлопал его по голому плечу.

Тот вздрогнул и вдруг, неожиданно и резко вскочив, вынул из ушей два белых катышка и попятился от Трупа к двери.

– Вы – грабитель! Я вас узнал! – воскликнул он. – Я вас узнал и запомнил! У вас запоминающаяся внешность... У вас на лбу...

Труп надвигался на него молча.

Подойдя на достаточное расстояние, он двинул ему в солнечное сплетение. Лысый человек в нижнем белье выпучил глаза, широко открыв рот, хотел вздохнуть или что-то сказать, но

от боли согнулся пополам и повалился на пол. Труп наклонился над ним и стал что-то осторожно трогать на его теле руками...

Когда спустя минуту Труп разогнулся, лысый человек на полу был мертв.

Тогда тридцать лет назад, лежа на нарах рядом с обреченным и уже начавшим умирать Парамоном, Труп услышал удивительные и странные вещи, о существовании которых не подозревал.

Много столетий назад, когда ходили по Руси лихие атаманы с шайками головорезов, бродила среди разбойников тайна великая, и "посвященный" в нее счастливым считался. Тайна передавалась носителем ее перед кончиной, и не смел он умереть по закону разбойничьему, не передав тайну другому – не находила тогда душа его покоя. Для этого бывало и из острога бежали, на все богатство награбленное охранников подкупив, или шайкой под пули солдатские кидались, чтобы высвободить "посвященного". Потому что дороже тайны ничто не ценилось. Каждый мечтал, чтоб ему тайну передали, хотя и ведал, что гнет это на всю жизнь. Долго бывало "посвященный" выбирал, кому передать: приглядывался к тому, и к этому... А потом, найдя уже, экзаменовал: спрашивал об законе разбойничьем, а уж потом только обучать брался.

Есть на теле человеческом места особенные. Есть такие, где боль ему доставить без труда можно, а есть места, в которых память живет, сила, жизнь протекает... Много мест на теле человеческом, надавив на которые, жизнь в человеке остановить можно, чтобы она не шла туда, куда ее Бог запустил. Можно было руку иссушить, начинала рука сохнуть, и уж никакими медикаментами в нужное состояние ее не приведешь; память отшибить тоже можно... Иной силач коня на плечах носит, а и тот чахнуть несодя начинает. Глядь, через полгода-год уж заморыш – еле ноги волочит. Куда там коня?! А иной умник вдруг в идиота превращается и ходит по дворам, хихикает, побирается да в хлеву со скотом спит. Особенно же успешно умертвляли без следов, словно зелья с ядом выпил. Любой свидетель злодеяния или какой неугодный "посвященному" человеку умирал безболезненно. Умел "посвященный" в нем жизнь остановить, не топором перерубив, не ножиком перерезав жизненный путь, а остановить, надавив ему на особые места. И не то что из всех богатырских сил надавить, вовсе нет – перстом чуть только утрудившись. Располагались эти зоны в разных краях тела, и если место не точно познал и усвоил, то и загаданного эффекта не жди. Оттого секрет передавался с расстановкой да толком. И не будучи уверенным, что ученик познал секрет в точности, мастер помереть не смел, выпрашивал, ежели не дюжил, у Бога еще хоть денечек-два...

Так и передавался словесно сей секрет на Руси много веков, пока не выискался (уже в восемнадцатом веке) один грамотей, нарушивший да поправший закон разбойничий.

Хитростями да жульничеством вошел он в доверие к "посвященному": мягко стелил, елеем речи его истекали... Поверил, опростоволосился старый разбойник, передал и отошел с миром, будучи успокоенным душевно. А Филька Чернуха (так по преданию, грамотея звали) взял да описал все это и книжку издал в Санкт-Петербурге. Были в книжке карты человеческого тела без кожи – все внутренности налицо и все части, куда перстом давить, указаны. Возрадовался, когда книжка вышла, задрожали кабаки столичные от Филькиной гульбы. Водку пил, гулял семь дней. Умер он дома по исходу недели, как установили врачи, от похмелья. А книгу, конечно, купили. Пришел человек какой-то в лавку и купил... все до единой. А типография сгорела по случайности и недосмотру. И еще мною людей в Санкт-Петербурге умерло в тот месяц, будто эпидемия или мор какой прошли. Умирали наборщики, редакторы... Все, кто книгу в руках держать мог. А хозяин типографии, будучи в то время в Швейцарии, узнав, церковь построил и в монахи постригся. Но по слухам одна книга убереглась. Будто у хозяина лавки до скупщика оптового кто-то купить ее успел. Многие годы искали эту книгу разбойники засыльные, да не сыскали. А, может быть, тогда же и сгорела книга Фильки Чернухи. Гова-

ривали, прокатились в тот год пожары по Санкт-Петербургу, и разбойничьей братии, словно мышей развелось, съехались все их шайки в город Петра. На людях середь бела дня душегубствовали, будто в лесу дремучем, и не было от них спасу ни на улицах, ни в домах за запорами.

Один только раз и всплыла тайна великая на люди, с тех пор и пропали "посвященные". А с революцией, лихой бабой с серпом и молотом, террором красным так и вовсе истребились из людской памяти не то что "посвященные", а и сам закон разбойный. Бога люди забыли и погрязли в грабеже, пьянстве и беззакониях, кровью красной под красными знаменами упиваясь – на многие лета...

А в ту ночь слушал Труп чудные вещи о точках на теле человека, при надавливании на которые тот умирал безболезненно, улик на теле не имея. И "мокрое дело", которое по всем показателям на вышку тянуло, оказывалось в крайнем случае свидетельскими показаниями. Таким образом, любое злодейство опасно не более игры с "дочки-матери".

Парамон взял с Трупа клятву, похожую на клятву при вступлении в пионеры и потому скорее смешную, чем серьезную. Труп поклялся в том, что никогда и никому не откроет эту тайну до часа смертного и только тогда... Ну и прочее.

А Труп глядел на уже подернутого смертью Парамона, размышляя, не сдвинулся ли тот в уме от побоев лютого абхазца, и не стоит ли повернуться на другой бок и поспать до подъема. Но что-то удерживало Трупа и заставляло слушать поминутно харкающего кровью Парамона, отдающего свои жизненные силы на объяснение.

Узнал Труп, что получил эти знания Парамон в молодости на зоне много лет назад от старого вора в законе по кличке Талый, грабившего еще до революции, а тот в свою очередь от другого... словом – по наследству. Талый, по словам Парамона, душегуб знатный, и дел разбойных за ним было видимо-невидимо. А потом рассказал про Талого такое, что слушал Труп про себя хохоча. Вернее, не про самого Талого, а про его последнего покойника. Якобы был это очень даже известный всем человек, и что из-за него Талого и казнили. Но это было совсем уж неправдоподобно, и Труп, ухмыляясь, слушал вполуха. Проговорил Парамон почти всю ночь, в детали не вдаваясь, а только так – в общем.

Весь другой день Труп размышлял, и в конце концов решил, что если то, что говорит Парамон, правда, то знания эти для всякого начинающего вора и громилы бесценны. А если бред, то это скоро обнаружится.

Следующей ночью дежурил абхазец, и Парамон полночи на нарах отсутствовал; а Труп, не дождавшись, уснул. Но где-то к утру уже его растолкал Парамон.

– Два дня осталось... Учись... – прошептал он хрипло, обливаясь потом и вылупив на Трупа затравленные глаза, в которых уже стояла смерть.

И Парамон успел. Иногда Труп казалось, что он уже и живет для того только, чтобы успеть передать то, что знал. Великолепная память Трупа помогала в этом – записывать Парамон не позволял.

– Все, – на третью ночь сказал Парамон. – Передал... Теперь умру.

И умер. Челюсть отвисла, глаза уставились в потолок... Труп потрогал его за руку, закрыл глаза и пошел звать дежурного, чтобы убрали, а не спать остаток ночи рядом с покойником.

Первым делом Труп бросился к двери и, подергав за ручку, убедился, что она заперта. Потом, успокоившись, уже неторопливо вернулся к лежавшему на полу пострадавшему. Тот, как скрючился от удара под дыхало, так, не разогнувшись, и умер. Труп наклонился над ним и некоторое время с интересом разглядывал. Потом попытался разогнуть его, чтобы придать телу более умиротворенное положение. Но пострадавший не давался – у покойников такое случалось. Труп много имел с ними общих дел и об этом знал. Он умело надавил куда-то у того на спине, повертел, покрутил; что-то хрустнуло, треснуло, и уже без труда разогнул его и перевернул на спину.

Труп склонился над ним, глядящим выпученными глазами неведомо куда, и посмотрел на их темное глазное дно.

– А ведь точно запомнил меня, – прошептал Труп. – Хорошо запомнил, хоть и зрение никудышное...

Любил Труп заглядывать в глаза тем, кто уже не мог видеть и запоминать его внешность, несвидетелям. Вот и этот несвидетель лежал сейчас перед ним и смотрел сквозь. Труп имел странное обыкновение закрывать всем пострадавшим от него глаза. Насмотревшись в глазную пустоту клиента, Труп протянул руку и двумя пальцами закрыл глаза...

– Что такое, – слегка отпрянув, удивленно проговорил он. – Что еще?

Правое око покойника, как и положено, закрылось, но левое было все так же изумленно открыто и глядело насквозь. Труп снова пальцем провел по нему... Глаз продолжал глядеть.

– Да что такое, – сквозь зубы процедил Труп. – Что за ерунда... – Снова провел пальцем по глазу, снова и снова... – Да что такое?.. Да что такое?..

Глаз глядел. Труп охватил легкий ужас. Он, распрямившись, уже молча – не менее изумленно, чем непокорный глаз – смотрел на покойника, потом присел на корточки, ткнул в него пальцем и ухмыльнулся. Сидя на корточках, он наконец рассмотрел, что в око пострадавшего вставлено круглое стеклышко, зажатое мышцами наподобие монокля, поэтому защищенный стеклом глаз нельзя было закрыть пальцем.

Труп снял с руки презерватив, ковырнул его край ногтем, но стекло было так крепко зажато мышцами лица, что отколупнуть его не представлялось возможным.

– Ну и ладно, – Труп махнул рукой. – Гляди.

Только сейчас, управившись со всеми делами, он смог оценить обстановку. Комната была обставлена хорошо сохранившейся недешевой, антикварной мебелью и имела музейный вид, если бы не беспорядок. На музейных стульях висели даже очень не музейные носильные вещи. Они Трупа не интересовали. Не за ними он, рискуя здоровьем, лез на третий этаж.

Первым делом он подошел к письменному столу и обследовал его ящики, но ничего для себя интересного не нашел. Тогда, сообразив, что особенные ценности принято прятать подальше, подошел к кровати, встал на колени и, подняв покрывало, заглянул в темноту, обернулся, ища глазами свою сумку с фонариком – увидел, но, поленившись встать с колен, сунул в темноту руку и, нащупав край ящика, потянул. Большой тяжелый ящик поддавался с трудом, но упорный Труп все же вытянул его на свет, поднял черную крышку и заглянул внутрь – там в полном беспорядке громоздилась сношенная обувь для разных сезонов – запустив руку в стоптанные ботинки, нащупал дно ящика, пошарил по нему рукой, но ничего не обнаружил. Тогда он накрыл ящик крышкой и в удивлении замер. Перед ним был вовсе не ящик, а обтянутый черной материей гроб.

Не сразу Труп поверил своим глазам, а когда поверил, задвинул гроб подальше под кровать, поднялся, подошел к комоду, выдвинул верхний ящик, погремел металлическими ложками, потом выдвинул нижний ящик...

– Вот они... – прошептал он, раскрыв обитый бархатом футляр.

В футляре в специальных нишах, каждая на отделенном ей месте, лежали монеты. Для того, чтобы лучше рассмотреть их, Труп подошел к столу, где горела настольная лампа, по пути споткнулся о ногу неживого хозяина монет, выругался и, положив футляр на стол, углубился в их разглядывание.

Монеты все до единой были желтого цвета. Имелся здесь и Русский империал, и Австрийский дукат, и Турецкая лира, и другие золотые монеты всемирного обращения. Это было именно то, за чем Труп лез на третий этаж и угробил хозяина комнаты. От удовольствия у него засосало под ложечкой и пересохло во рту. Здесь лежало состояние, которому Труп найдет достойное применение. Ну, прежде всего он, конечно, купит себе участок земли (соток шесть)

где-нибудь в садоводстве и будет своими руками строить дом... Да мало ли куда еще можно применить деньги.

Перед уходом он заволок покойного в постель, придав телу его естественную позу покойного сна. Переложил монеты в свою сумку и перед тем, как собраться уходить, обследовал комнату в поисках улики. Все было в порядке.

О том, чтобы возвращаться на волю тем же опасным и неудобным путем, Труп не думал; по его плану он должен был выйти, как все добрые люди – через дверь. Здесь его не ждало никаких неожиданностей. Прихожая была безлюдна и темна. При помощи фонарика он отыскал входную дверь, открыл ее и вышел на лестницу... И только, когда спустился во двор, с ужасом вспомнил про открытый глаз коллекционера.

Придавая телу позу умиротворенного покоя, он совсем позабыл об открытом глазе. Получалось, что горемыка умер в полусне.

Выйти из дома незамеченным не удалось. Во дворе, несмотря на ранний час, он встретил двоих бодрствующих. Трудолюбивую дворничиху в ватнике, с платком на голове и молодого человека в зимней шапке, отчаянно вышагивающего вокруг нее.

Скрывая свое истинное лицо за гримасой неопределенного содержания, Труп вышел со двора.

Глава 9

– Труп вышел со двора... Да... – сказал я, взглянув на будильник. – Ой-ой-ой... Уже половина шестого...

Через занавески окна светился рассвет. Я потянулся, зевнул и почувствовал вдруг необычайную усталость и пустоту в голове. Думать о чем бы то ни было совершенно не имелось желания. Я минуту посидел, глядя в стол перед собой, потом поднялся и стал расстилать постель. Перед тем, как лечь, я решил вернуть на сушилку позаимствованную чашку, взял ее и пошел в кухню. Везде, даже в прихожей, было уже светло. Со двора слышалось шарканье метлы и ритмичные удары. Я помыл чашку, поставил ее на прежнее место в сушилке и глянул в окно. Неутомимая дворничиха была уже на посту, а вокруг нее строевым шагом колотил асфальт знакомый идиот. Ать-два, ать-два...

Вдруг, зазвенев стеклами, грохнула входная дверь и через двор, изгибаясь под тяжестью чемодана, озираясь с каждым шагом, прошел грузный бородач и заспешил к подворотне.

Нехотя поколотив мух, не для истребления, а больше ради остротки, я выключил лампу, разделся и лег. Сначала казалось, что усну я мгновенно. С улицы доносился шум просыпающегося города, некоторое время я лежал с закрытыми глазами. Сознание начало мутнеть, но на свое несчастье я вдруг вспомнил, что комната моя похожа на гроб. Эта мысль полностью истребила во мне зачатки сна, в голове закружились ужасные видения, будто меня вместе с комнатой-гробом и с ее убогой обстановкой опускают в могилу и... Мне стало страшно. Я перевернулся на другой бок, и тут мне пришло на ум, что лежу я к дверям ногами, а это нехорошая примета. В голову полезли отвратительные образы: Казимир Платоныч, ночной карлик в компании с неприятными типами из фильмов ужасов. Я встал, проверил, закрыта ли дверь на ключ, переложил подушку на другой конец кровати и, помаявшись еще некоторое время, уснул.

Проснулся я в плохом расположении духа. Первым делом посмотрел на окно – за ним было светло. Мысль о комнате-гробе не оставляла меня даже во сне, и, кажется, даже во сне я боялся, что ее опустят в могилу. Надоедливые мухи жужжали и не оставляли меня в покое ни на минуту. Я долго смотрел на будильник в недоумении, пока не понял, что он мертв, и в нем ничто не тикает. Стрелки застыли на облезлой семерке, показывая давно прошедшее утро. Больше часов у меня не имелось. Я оделся и пошел умываться. Войдя в прихожую, я посмотрел за тряпку на свое отражение. Кроме завешенного зеркала в квартире не было. Возвращаясь из ванны, я заглянул в кухню. На табуретке возле раковины сидела Леночка в своем сверх-мини и курила (судя по запаху) импортную сигарету.

– Привет. Я тебя вчера искал вечером, с ног сбился, – сказал я, входя и глядя на нее обжорливым взглядом.

– Зря, я ночами занята, работаю.

– А где, если не секрет? Может, к тебе на работу заглянуть можно?

– Нет, – она стряхнула пепел в раковину, – там и без тебя народу полно. И работы много... Ну, мне пора.

Леночка затушила бычок о раковину и встала. Я мысленно сорвал с нее одежду. О-о-о-о!

Она погладила себя по бедрам и пошла к выходу.

– погоди, Леночка, – я вскочил и догнал ее. – Когда мы с тобой увидимся? Хочешь, я тебе роман свой почитаю?..

– Потом как-нибудь. Что же я из-за тебя, Ссусик, работу сачковать буду.

Она пихнула меня в живот кулачком и вышла из кухни. Хлопнула входная дверь. Я еще некоторое время стоял посреди кухни, потом пошел к себе, взял пакет для продуктов, закрыл

дверь на ключ и отправился обедать в столовую, решив сегодня сесть за роман пораньше – пока пишется.

В прихожей я застал Казимира Платоныча. Он ворочал какой-то большой, замотанный хрустящей бумагой сверток.

– Здравствуйте. Ковер купили? – дружелюбно поинтересовался я.

Казимир Платоныч вздрогнул. Увлеченный возней со свертком, он не услышал, как я вышел из комнаты.

– Может быть... Я помочь... – пролепетал я, растерявшись.

Из-под шляпы на меня смотрели жуткие глаза, он как-то умел, ничего не изменяя в лице, делать их жуткими. Этот взгляд я уже видел в ночи.

По лицу его струился пот, он ничего не говорил, а просто смотрел, не разгибая спины. Я поторопился закрыть дверь на замок и, выговаривая какие-то извинения, заспешил уйти. А он, стоя в три погибели над своим свертком, так и не отвел от меня глаз. Оказавшись на лестнице, я, наконец, почувствовал себя в безопасности.

– Шизовый какой-то... – пробормотал я, спускаясь.

На улице я узнал, что уже три часа дня. Пообедав в столовой и взяв с собой в пакете две порции сосисок и хлеба, я отправился гулять.

Бродил я около часа, потом зашел в какое-то кафе, где готовили кофе по-восточному. Оказалось, очень горячий и на удивление гадкий напиток. Не допив, я отправился домой, чтобы наедине с романом запереться в своей гробоподобной комнате и насладиться всеми его прелестями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.